

PK-III 18/11 442
В 991-ВА А 3/3. III 1780

ВЪ ДОРОГЪ И ДОМА.

В-991-Вг

101738.

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

У-И КНЯЗЯ

Н. А. ВЯЗЕМСКАГО.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Т. Д. У.
188. № 101738

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.

1862.

Проверено
Ш 45 1909

8-12-8
10138

10138

Одобрено цензурою 15-го Мая 1862 г. Москва.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ издаваемомъ нынѣ собраніи стихотвореній Князя Петра Андреевича Вяземскаго помѣщены:

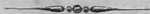
1) Въ первой части — всѣ стихотворенія, какъ напечатанныя прежде, такъ и неизданныя, которыя написаны во время переѣздовъ автора по Россіи и чужимъ краямъ.

2) Во второй части—а) разныя избранныя авторомъ стихотворенія изъ написанныхъ имъ въ теченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ и б) мелкія пьесы подъ общимъ заглавіемъ «Замѣтки,» относящіяся къ послѣднимъ годамъ его литературной дѣятельности.

Въ приложеніяхъ помѣщены:

1) Объяснительныя примѣчанія къ стихотвореніямъ, составляющимъ настоящее собраніе.

2) Подробная библіографія напечатанныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ автора, съ 1808 по 1862 годъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ДОРОГѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ДОРОГѢ.

КОЛЯСКА.

(Вмѣсто предисловія.)

Томясь житьемъ однообразнымъ,
Люблю свой странническій домъ,
Люблю быть дѣтельно-празднымъ
Въ уединеніи кочевомъ.
Люблю—готовъ сознаться въ томъ
Ярмо привычекъ свергнувъ съ выи,
Кидаться въ новыя стихіи
И обновляться существомъ.
Боюсь примерзнуть сиднемъ къ мѣсту
И волю осязать любя,
Пытаюсь убѣждать себя,
Что я не подлежу аресту.
Прости, шлагбаумъ городской,
И городъ, гдѣ всегда на стражѣ
Заботь безсмѣнныхъ пестрый строй,
А жизнь безцвѣтная все та же;
Гдѣ бредятъ, судятъ, мыслятъ даже
Всегда по такѣ цеховѣй.
Прости блестящая столица!
Великолѣпная темница,

Великолѣпный желтый домъ,
 Гдѣ сумасброды съ бритымъ лбомъ,
 Гдѣ плѣнники слѣпыхъ дурачествъ,
 Различныхъ званій, лѣтъ и качествъ
 Кряхтятъ и пляшутъ подъ ярмомъ.
 Не разъ мнѣ съ дѣла и съ бездѣлья,
 Не разъ съ унынья и съ веселья,
 Съ излишества добра и зла,
 Съ тоски столичнаго похмѣлья,
 О четырехъ колесахъ келья
 Душеспасительна была.
 Хоть тѣлу мало въ ней простора,
 Но духомъ на просторѣ я:
 И недоступные обзора
 Изъ глазъ бѣгущіе края,
 И вольный міръ воздушной степи,
 Свободный путь свободныхъ птицъ,
 Которымъ чужды наши цѣпи;
 Рѣкой, безъ русла, безъ границъ,
 Какъ волны льющіяся тучи;
 Здѣсь лѣсъ обширный и дремучій,
 Тамъ море жатвы золотой;
 Все тѣшить глазъ разнообразно
 Картиной стройной и живой.
 И мысль свободно и развязно
 Сама какъ птица на лету
 Парить, кружится и ныряетъ
 И мимолетомъ обнимаетъ
 И даль, и глубь, и высоту.
 И все что на душѣ подъ спудомъ
 Дремало въ непробудномъ снѣ,
 На свѣжемъ воздухѣ, какъ чудомъ,
 Все быстро ожило во мнѣ.
 Несется легкая коляска
 И съ ней легко несется умъ,
 И вереницу свѣтлыхъ думъ

Мчить фантастическая пляска;
 То по открытому листу,
 За подписью воображенья,
 Переношусь съ мечты въ мечту;
 То на ночлегѣ размышленья
 Съ собой разсчитываюсь я:
 Въ расходной книжкѣ бытія,
 Я убыль съ прибылью сличаю;
 Итогъ со страхомъ повѣряю
 И контролирую себя.

Такъ! отъѣзжать люблю порою,
 Чтобъ въ самого себя войти
 И говорю другимъ: прости!
 Чтобъ поздороваться съ собою.
 Не понимаю, какъ иной
 Живетъ и мыслить въ тоже время,
 То есть живетъ, какъ наше племя
 Живетъ—подъ вихремъ и грозой.
 Мнѣ-такъ не въ мочь двойное бремя:
 Когда живу, то ужъ живу,
 Такъ, что и мысли не промыслить,
 Когда же вздумается мыслить,
 То умираю на яву.
 Теперь я мертвъ, и слава Богу!
 Таюсь въ кочующемъ гробу,
 И муза грѣшному рабу
 Приулыбнулась на дорогу.
 Глупцы! не миновать ужъ вамъ
 Моихъ дорожныхъ эпиграммъ!
 Сатиры бичъ въ дорогѣ кетати:
 Имъ васъ огрѣю по ушамъ,
 Опричники журнальной рати,
 Съ мечемъ гусинымъ по бокамъ.
 Писать мнѣ часто нѣтъ охоты,
 Писать мнѣ часто недосугъ:

Умъ вянетъ отъ ручной работы,
 Вмѣняя трудъ себѣ въ недугъ,
 Чернильница, бумага, перья,
 Все это смотреть ремесломъ;
 Сидишь за письменнымъ столомъ
 Живымъ подобьемъ подмастерья
 За цеховымъ его станкомъ.
 Я не терплю ни въ чемъ обузы
 И многіе мои стихи,
 Какъ быть? дорожные грѣхи
 Праздношатающейся музы.
 Равно движеніе нужно намъ,
 Чтобы расторгнуть лѣни узы:
 Люблю по нивамъ, по горамъ
 За тридевять земель, какъ въ сказкѣ,
 Летать за музой по слѣдамъ
 Въ стихоподатливой коляскѣ,
 Земли не слышу подъ собой
 И только на толчкѣ, иль въ ямѣ,
 Или на риѣмѣ поупрямѣй
 Опомнится ѣздокъ земной.

Друзья! посудите вы строже
 О неосѣдлости моей:
 Любить разлуку точно тоже,
 Что не любить своихъ друзей.
 Есть призракъ правды въ сей посылкѣ:
 Но васъ ли бѣгаю, друзья,
 Когда по добровольной ссылкѣ
 Въ коляскѣ постригаюсь я?
 Кто лямку тянетъ въ свѣтской службѣ,
 Кому та лямка дорога,
 Тотъ и себѣ уже и дружбѣ
 Плохой товарищъ и слуга.
 То пустослова слушай сказки,
 То на смѣхъ сердцу и уму

Самъ дань плати притворной ласки
 Богъ вѣсть кому, Богъ вѣсть къ чему;
 Всю жизнь окрась въ чужія краски,
 И какъ ни душно, а съ лица
 Сначала пытки до конца
 Ты не снимай обрядной маски

Учись какъ труженикъ иной
 Безмолвнѣй строгаго трапписта
 Съ колодой вѣчныхъ картъ въ рукахъ
 Доигрываетъ робертъ виста
 И робертъ жизни на крестахъ;
 Какъ тотъ въ бумагахъ утопаетъ
 И геркулесъ на пустяки
 Слоновъ сквозь пальцы пропускаетъ
 А на букашкѣ напираетъ
 Всей силой воли и руки.
 Приписанный къ приличьямъ въ крѣпость,
 Ты за нелѣпостью нелѣпость
 Вторь, слушай, дѣлай и читай,
 И свѣтской барщины неволю
 По отмежеванному полю
 Безпрекословно исправляй.
 Гдѣ жъ тутъ за общимъ недосугомъ
 Есть время быть съ собой, иль съ другомъ?
 Знакомый пѣсню намъ пострѣлъ
 Смѣшнымъ отказомъ гнать умѣлъ
 Заимодавцевъ изъ прихожей;
 Подъ стать и намъ его отвѣтъ,
 И для самихъ себя насъ тоже,
 Какъ ни спросись, а дома нѣтъ!
 По мнѣ ошибкой моралисты
 Твердятъ, что люди эгоисты.
 Гдѣ эгоизмъ? кто полный я?
 Кто не въ долгу предъ этимъ словомъ

Нѣтъ я глядитъ въ изданьи новомъ
 Анахронизмомъ словаря.
 Держася круговой поруки,
 Среди *житейской* кутерьмы,
 Забавъ, досадъ, вражды и скуки
 Взаимно вкладчиками мы,
 Мы, выживъ я изъ человѣка,
 Есть слово нынѣшняго вѣка;
 Все *мы*, да *мы*; наперечетъ
 Всѣ на толкучемъ рынкѣ свѣта,
 Судьбой отсчитанныя лѣта
 Торопимся прожить въ народъ,
 Какъ будто стыдно поскупиться
 И днемъ единымъ поживиться
 Изъ жизни, отданной въ расходъ.
 Все для толпы—и вѣчно жадной
 Толпою все поглощено:
 Силъ нашихъ хищникъ беспощадной
 Уносить насъ волною холодной
 Иль топить безъ вѣсти на дно:
 Дробь мелкой дробѣ въ общей смѣтѣ
 Вся жизнь, затерянная въ свѣтѣ,
 Какъ бурей загнанный ручей
 Въ сѣдую глубь морскихъ зыбей,
 Кипитъ, тѣснится, въ сшибкахъ стонетъ,
 Но не прорѣзавъ ни слѣда,
 Въ пучинѣ водъ глубокихъ тонетъ
 И пропадаетъ навсегда.

Но между тѣмъ какъ стихотворный
 Скакунъ, заносчивый подь часъ,
 Мой избалованный пегасъ,
 Уздѣ строптиво-непокорный,
 Гуляя, разсудка не спросясь,
 И по проселкамъ своевольно
 Бѣсился подо мной довольно,

Прекраснымъ всадникомъ гордясь:
 Пегаса сродники земные,
 Пегасы просто почтовые
 Меня до почты довели,
 Да чуть и мнѣ ужъ не порали
 Свернуть изъ баснословной дали
 На почву прозы и земли!
 Друзья! боюсь, чтобъ бѣгъ мой дальшой
 Не утомилъ васъ, если вы,
 Простя мнѣ пылъ первоначальной,
 Дойдете до конца главы
 Полу-пустой, полу-моральной,
 Полу-смѣшной, полу-печальной,
 Которой бѣдный Йорикъ вашъ
 Открылъ журналъ сентиментальной,
 Куда заносить дурь и блажь
 Своей отваги повиральной.
 Всѣ скажутъ: съ нимъ двойной подрывъ,
 И съ нимъ что далѣе, то хуже;
 Поэтъ болтливый, онъ къ тому же
 Какъ путешественникъ болтливъ!
 Нѣтъ, дайте срокъ: стиховъ разбѣга
 Не могъ сперва я одолѣть,
 Но обещаюсь присмирѣть.
 Теперь до новаго ночлега
 Простите..... *(продолженіе впрѣдь.)*

ОТДѢЛЪ I.

Р О С С І Я.

СТАНЦІЯ.

Досадно слышать: Sta, viator!
Иль изъясняяся простѣй:
Извольте ждать, нѣтъ лошадей,
Когда Губернскій Регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ
(Ему тицунъ бы на языкъ!)
Сей рѣчью ставитъ васъ въ тупикъ.
Отъ этого-то русскимъ трактомъ
Ѣзда не слишкомъ веселитъ;
Какъ ѣдешь, дѣйствіе кипитъ,
Пріѣдешь: стынетъ за антрактомъ.
Да и скакать,—дождись пути;
Замѣтить должно мнѣ въ прибавку,
Чтобы точнѣй въ журналъ внести
Топографическую справку:
Дороги наши—садъ для глазъ,
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ частъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,

Пробѣжимъ мало барыша:
 Дорога, скажешь, хороша —
 И вспомнить стихъ: *для проходящихъ!*
 Свободна русская ѣзда
 Въ двухъ только случаяхъ: когда
 Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Еса* —
 Зима свершить, треща отъ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ,
 Путь окуеть чугуномъ льдистымъ
 И запорошитъ ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушистымъ;
 Или когда поля пройметъ
 Такая знойная засуха,
 Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
 Пройти, глаза зажмуря, муха.
 Что жъ дѣлать, время есть всему!
 Гражданству, роскоши, уму,
 Рукой степенной ходъ размѣрять;
 Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣрять,
 Пождемъ—и возрастетъ итогъ.
 Давно ль могучій Петръ природу,
 Судьбу и смертныхъ перемогъ,
 Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огонь и воду
 И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
 Давно ли вдоль и поперегъ
 Протоптана его Россія?
 Исполнятся судьбы земныя
 И мы не будемъ безъ дорогъ.
 За то военную дорогу
 Прокладывать умѣемъ мы:
 Въ Парижъ были, слава Богу,
 И можетъ, не боясь чумы,
 Ни Магомета стражи райской,
 За славной тѣнью Задунайской,
 За тѣнью Царственной жены,
 Мы доберемъ до луны;

За Грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбулѣ
И межъ собой, безъ дальнихъ ссоръ,
Миролюбиво кончимъ споръ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ.

«Такъ лошадей мнѣ нѣтъ у васъ?»
—Смотрите въ книгѣ: счетъ тутъ ясенъ.—
«Ихъ въ книгѣ нѣтъ, я въ томъ согласенъ;
Въ конюшнѣ нѣтъ ли?»—Тройка съ часъ
Последняя съ курьеромъ вышла,
Двѣ клячи на дворѣ и есть,
Да ихъ хотъ выбылыми счесть:
Не ходитъ ни одна у дышла.—
«А долго ли прикажешь мнѣ,
Платя въ избѣ терпѣнью дани,
Исторію тѣмъ-таракани
Учиться по твоей стѣнѣ?»
— Да къ ночи кони придутъ, нѣтъ ли,
Тутъ ихъ покормимъ часъ, иль два.
Ей ей, кружится голова;
Приходить жутко, хотъ до петли!
И днемъ и ночью все разгонъ,
А всего на всего пять троекъ;
Тутъ, какъ ни будь смысленъ и боекъ,
А полѣзай изъ кожи вонъ!—

Стой путникъ, стой! что жъ. молвить больше,
Когда подвинуться нельзя?
Зачѣмъ не странствую я въ Польшѣ,
Мои любезные друзья!
Судьба по трактамъ европейскимъ
(Что мнѣ признаться очень жаль)
Меня не завозила вдаль:
Я только польскимъ да еврейскимъ
Почтовымъ ларамъ билъ челомъ.
Какъ я ни рвался чувствомъ жаркимъ,

Какъ ни загадывалъ умомъ,
 Полюбоваться небомъ яркимъ
 И міра свѣтлой полосой,
 Какъ я ни залеталъ мечтой
 Въ міръ Божій, изъ глуши далекой,
 Гдѣ слѣдъ мой темный, одинокой,
 Сугробомъ снѣжнымъ занесенъ,
 Какъ ни раскидывалъ сквозь сонъ,
 Всегда обманчивый и краткій,
 Своей кочующей палатки
 Среди блестящихъ городовъ,
 Среди базаровъ просвѣщенья,
 Но отъ латинскихъ оныхъ словъ
 Оглоблями воображенья
 Я поворачивалъ домой
 И жду: схвачу ли сонъ рукой?

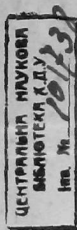
О Польшѣ рѣчь была: но съ рѣчи
 Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть куда
 Сбиваюсь отъ горячей встрѣчи
 Нежданныхъ мыслей. Господа!
 Простите разъ мнѣ навсегда.
 По Польшѣ и ѣзда веселье
 И остановка не въ накладъ:
 Иной бы и зажитья радъ,
 Какъ попадетъ на новоселье;
 Затѣмъ, что пара бойкихъ глазъ,
 Искусныхъ въ проволочкѣ польской,
 (Отъ коихъ онъ пылалъ и гасъ,
 Былъ смѣлъ и робокъ въ тотъ же часъ)
 Такъ заведетъ дорогой скользкой,
 Такъ закружить въ немъ дурь и хмѣль,
 Что шуткой съ перваго пристѣта
 Она его, не тронувъ съ мѣста,
 Промчить за тридевять земель.

Такъ, помню польскіе ночлеги:
 Тутъ есть для отдыха и нѣги
 На что взглянуть, гдѣ лечь, что съѣсть.
 Грѣшно бѣ о нашихъ рѣчь завести;
 И чтобъ не дать себя проклятью
 Патріотическихъ уликъ,
 Патріотической печатью
 Не лучше ли скрѣпить языкъ?
 Пѣвецъ, который вѣдалъ горе,
 Сказалъ: nessun maggior dolore
 И прочее; но правъ ли онъ?
 Смотрю на память съ двухъ сторонъ:
 Благопріятной и враждебной.
 Она, какъ въ древности кумиръ,
 На ликахъ носить брань и миръ.
 То злобный духъ, то другъ волшебной,
 Она намъ въ казнь, или въ любовь;
 Иль дразнить благомъ, ужъ заочнымъ,
 Иль говорить: условьемъ срочнымъ
 Что было, можетъ быть и вновь.
 По крайней мѣрѣ память нынѣ,
 Смотря привѣтливымъ лицомъ,
 Мнѣ свѣтитъ въ зеркальной святынѣ
 Своимъ волшебнымъ фонаремъ.
 Голодный столъ окинувъ взглядомъ
 И видя въ раннихъ племенахъ,
 Живой обѣдъ со мною рядомъ
 На двухъ и четырехъ ногахъ;
 Голодный, видя къ злой обидѣ
 Какъ по ногамъ моимъ со сна,
 Съ испуга, въ первобытномъ видѣ
 Семейно жмется ветчина,
 Я не грущу: пусть квась и молодъ,
 А хлѣбъ немного пожилой,
 Я убаюкиваю голодъ
 Надеждой, памяти сестрой.

Постясь за полдникомъ крестьянскимъ,
 Отрадно мнѣ себѣ сказать:
 Я трюфли запивалъ шампанскимъ,
 Богъ дастъ, и буду запивать.
 И такъ, вашъ путевой нотарій,
 Изъ русской почтовой избы
 Вамъ польской почты инвентарій
 Я подношу на зло судьбы
 «Жена или дочка комиссаржа
 «Полячка,—словомъ все сказалъ:
 «Тутъ и портретъ и мадригалъ;
 «При томъ цыплята, раки, спаржа
 «Или технически скажу
 «И мѣстность красокъ удержу:
 «Karczeta gaczki i szparagi
 (Чего не стерпитъ листъ бумаги
 И риема подъ моимъ перомъ?)
 «Гитара на стѣнѣ крестомъ
 «Съ оружіемъ старопольской славы, —
 «Кумиры чести и забавы
 «Патріотической четы;
 «На окнахъ свѣжіе цвѣты,
 «Сарматской Флоры даръ посылный;
 «Тамъ въ рамкахъ за стекломъ черты
 «Героевъ Кракова и Вильны;
 «На полкѣ—чтеніе красоты,
 «Романъ трагическо-умильный
 «И съ нимъ Дмушевскаго листы,
 «Въ которыхъ лѣтописецъ вѣрной
 «Съ неутомимостью примѣрной
 «Изо дня въ день, изъ часу въ часъ
 «Ведеть исторію Варшавы,
 «На все вперяя зоркій глазъ:
 «Спектакли, выѣзды въ заставы,
 «Продажа книгъ, побѣтъ собакъ,
 «Проказы, добрыхъ дѣлъ примѣры,

»Волненье модъ и атмосферы,
 »Движенья жизни: смерть и бракъ;
 »Движенья биржи: курсъ, банкроты,
 »Дѣла вѣковъ, дѣла минуты,—
 »Все съ горяча въ сырой листокъ
 »Передаешь печать прилежно,
 »Уѣздамъ и потомству въ прокъ.»
 Какъ я заслушивался нѣжно
 Тебя, варшавскій вѣстовщикъ,
 Когда въ душѣ, во дни разлуки,
 Будиль замолкнувшіе звуки
 Словоохотный твой языкъ.
 На голосъ дружнаго привѣта
 Отвѣтъ созвучный я давалъ:
 Поэзіей была газета
 И надъ афишкой я мечталъ.

Я волю далъ широкимъ перьямъ
 Залетной памяти моей;
 Мечтой коснулся я преддверьямъ
 Чертоговъ прелестей и фей,
 Влетѣлъ въ Варшаву—и безсильный,
 Засѣлъ я въ сѣти прежнихъ дней.
 Здѣсь тайна. Критикъ щепетильный,
 Ты не поймешь моихъ рѣчей.
 Umizgać się! за это слово,
 Хотя ушамъ оно сурово,
 Я радъ весь нашъ словарь отдать:
 На немъ хранится талисманомъ
 Могучей прелести печать;
 Обворожительнымъ дурманомъ
 Щекотить голову и грудь
 Того, кто воздухомъ Варшавы
 Былъ упоенъ когда нибудь,
 Кто изъ горнушекъ *Війскою Кавы*

Пилъ нектаръ медленой отравы
 Или въ *Бяланы* знетъ путь.
 Umizgać się, въ семъ словѣ миломъ,
 Какъ въ сердцѣ, Польша вся живетъ
 И въ хороводѣ легкокрыломъ
 Своихъ соблазновъ рой влечетъ.
 При этомъ словѣ я въ Варшавѣ
 И сонъ минувшій снится въ явѣ.
 При блескѣ свѣчъ, передо мной
 Взялись, сошлись чета съ четой,
 Цѣль вьется и мазурки знойной
 Кипить и гаснетъ вихорь стройной
 Подъ гулъ отрывистыхъ смычковъ.
 Или день праздничный: косцелы
 Пустѣютъ; полдень; будто пчелы
 Изъ ульевъ набожныхъ трудовъ,
 Расправя крылья золотыя,
 Слѣшать святоши молодя.
 Пестрѣютъ улицы, кипятъ;
 Глазамъ раздолье и мученье,
 Но средоточится волненье
 И рой за роемъ хлынулъ въ садъ.
 Въ аллею сжался городъ тѣсный.
 Вотъ въ лицахъ старины мечты:
 Вотъ сеймъ державный, сеймъ прелестный.
 Вотъ *Посполита* красоты.
 Здѣсь блещетъ знаменьемъ утѣшнымъ
 И мнѣній и одеждъ успѣхъ:
 Чинъ съ чиномъ, съ знатю скромный цѣхъ.
 Сравнялись равенствомъ безгрѣшнымъ
 (Хотя оно и вводитъ въ грѣхъ)
 Пригожихъ лицъ и ножекъ стройныхъ,
 Мой Пушкинъ, строфъ твоихъ достойныхъ
 И такъ обутыхъ, что едва
 Ихъ обнажить любви не жаль.
 Или въ театрѣ *Народоволь*,

Гдѣ окриляютъ польскимъ словомъ
 Патриотическій порывъ
 Стихи Нѣмцевича, — забывъ
 Глазъ старца, убѣжденъ полный,
 Которымъ движеть и живить
 Онъ зыбкого партера волны,
 И увлекаетъ и разить, —
 Смотрю я на другую сцену,
 Гдѣ страсти дѣйствуютъ живьемъ,
 Гдѣ въ представленіи нѣмомъ
 Актерамъ зрители на смѣну.
 Тутъ романтическая связь:
 Единства мѣста не держась,
 Изъ креселъ въ ложи и обратно
 Огнемъ чуть зримымъ, перекатно
 Живая нить игры живой
 Завязкой тайною снуется,
 А тамъ развязкой распрядется,
 Какъ слѣдуетъ своей чредой.

Теперь для критики судейской
 Словоцо ученое: глаголь
 Umizgać się, глаголь житейской;
 Ему насъ учить женскій полъ.
 Онъ жемчугъ польскаго нарѣчья;
 Его понятя безъ увѣчья
 Въ другой языкъ не передашь,
 Какъ въ словаряхъ другихъ ни рыться:
 Faire la cour и *волочиться*,
 Смѣшно напоминаетъ блажь
 Маривизовъ чопорнаго вѣка,
 Иль заставляеть заключить,
 Что вологита долженъ быть
 Или подагрикъ иль калека.

Могло бѣ досадно быть ушамъ,
 Когда читатели-зоялы
 Заовоятъ: Sta, viator! намъ
 Тащиться за тобой нѣтъ силы.
 Но къ притязаньямъ дерзкихъ лицъ
 Въ насъ къ счастью самолюбе глухо
 И золотомъ, какъ у дѣвицъ,
 Завѣшено поэта ухо.

И такъ, пока нѣтъ лошадей,
 Перомъ досужнымъ погуляю...

.....

.....

НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,
 Мятужной влаги властелинъ!
 Надъ тишиной окрестной ревомъ
 Господствуй, бурный исполинъ.

Жемчужною кипящей лавой,
 За валомъ низвергая валъ,
 Сердитый, дикий, величавой,
 Перебѣгай ступени скалъ!

Дождь брызжетъ отъ упорной ешибки
 Волны, сразившейся съ волной,
 И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,
 Вдали ихъ представляетъ бой.

Все разъяренный, все угрюмый
Летить, какъ геній непогоды:
Я мыслью погружаюсь въ шумъ
Междоудобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленная тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ сматсню,
На немъ цвѣтеть весны краса
И вмѣстѣ миру и волненью
Свѣтлѣють тѣ же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой волны,
Ты не зеркало ихъ лазури,
Вотще блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,
Въ залогъ вѣчной непогоды
Ты бытія пріямъ залогъ.

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный,
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себѣ.

ПОРУЧЕНИЕ ВЪ РЕВЕЛЬ.

(Николаю Николаевичу Карамзину.)

Николай!
Какъ Олай
Заторчить предъ тобой,
Поклонись ты ему,
Пзувѣченному
Въ поединкѣ съ грозой!

*

Николай!
Слушай лай —
Моря вой, будто пса
На цѣпи, подъ скалой,
Что ворчитъ въ часъ ночной,
Какъ дразня небеса!

*

Николай!
Окликай
Старика за меня
И съдому хрычу,
Лысгачу-усачу
Молви: добраго дня!

*

Отъ души

Почеши

Мокрый усь, то-то страсть!

И погладь и похоль,

Какъ заморщится голь,

Какъ заплѣнится пасть.

*

Экой чортъ!

Съ борта въ бортъ

Какъ начнетъ онъ хлестать

Корабли на подхватъ—

Затопить землю радъ,

Небеса заплевать!

*

Если жъ тихъ,—

Какъ женихъ,

Какъ невеста-краса,

Улыбается онъ,

Сквозь задумчивый сонъ,

И глядитъ въ небеса..

*

Свѣтель, чистъ,

Серебристь,

Чуть волнуется грудь—

Мировать бы его,

Цѣловать бы всего

И на немъ бы заснуть!

*

Стонетъ онъ,

А сей стонъ

Такъ душѣ постижимъ,

Звуки такъ хороши,

Что всѣ звуки души

Въ пѣснь сливаются съ нимъ!

*

Я стоялъ,
Я внималъ
Этой музыкѣ волнъ
И качалась душа
По волнамъ, чуть дыша,
Какъ на якорѣ челнъ.

*

А маякъ?
Точно въ мракъ
Втиснуть красный янтарь;
Позадернется вдругъ,
То запышетъ вокругъ,
Какъ волшебный фонарь.

*

А скалы?
Какъ скулы
Этой пасти морской!
Штрихбергъ, Вимсъ, Тишертъ, Фаль!
Дай мнѣ кисть, Рюисдалъ,
Дай сравниться въ тобой!

*

Чудный міръ,
Вѣчный пиръ!
Богъ съ тобою, земля!
Я въ соленой водѣ,
Какъ въ родимомъ гнѣздѣ—
Будто братъ корабля!

—

НОЧЬ ВЪ РЕВЕЛѢ.

(Посвящается Князю Е. Н. Мещерской.)

1.

Что ты въ радости-ль, во гнѣвѣ-ль,
Море шумное бурлишь
И, какъ тигръ, на старый Ревель
Волны скалишь—и рычишь?

Разыгрался звѣрь косматой,
Страшно на дыбы прыгнулъ,
Хлещетъ гривой мохнатой,
Ноздри влажны раздулъ.

Что за грозная картина,
Что за прелесть, что за страхъ!
Взвыла дикая пучина,
Вздрыгнувъ въ темныхъ глубинахъ.

2.

Чтожь ты, море, такъ бушуешь,
Словно шабашъ вѣдьмъ ночныхъ?
Про кого ты тамъ колдуешь,
Ночью, въ чанѣ волнъ сѣдыхъ?

Про того ли про Кашея,
Что не принятый землею,
Ждетъ могилы, сиротѣя,
Не мертвецъ и не живой?

Дней Петровыхъ современникъ,
 Взяли въ плѣнъ его враги,
 И по смерти все онъ плѣнникъ
 За грѣхи и за долги.

Ты повѣдай: скоро ль сброситъ
 Онъ курчавый свой парикъ
 И земную цѣпь износить
 Упокоенный старикъ?

Валъ за валомъ ты торопишь,
 Стонъ за стономъ издаешь,
 Но о чемъ, и что ты вопишь, —
 Ужъ никакъ не разберешь.

Молча, думою прилежной
 Каждый звукъ я твой ловлю
 И тоски твоей мятежной
 Я безсонницу дѣлю.

Въ этихъ вопляхъ и заклѣтыхъ
 Есть таинственный языкъ;
 Но, въ земныхъ своихъ понятяхъ,
 Кто изъ смертныхъ ихъ проникъ?

3.

Иль съ Бригитой и Олаемъ
 Ты, мѣшая быль и ложь,
 Неумолчнымъ краснобаемъ
 Рѣчи странныя ведешь?

Про загадки, про затѣи,
 Битвы, игры и пиры,
 Богатырской эпопеи
 Поэтической поры;

Про былыя непогоды,
 Про наѣзды, про разбой,
 Про столѣтя, про народы,
 Пережитые тобой,

Да, на радость и на горе,
 На людскія суеты,
 Заколдованное море,
 Вдоволь наглядѣлось ты.

Много сомницъ пиоровало
 За трапезою твоей,
 Много ядерь прожужжало
 По стеклу твоихъ зыбей;

Много труповъ, много злата,
 Много бѣдствій и добра
 Затопила безъ возврата
 Равнодушныхъ волнъ игра.

4.

Да и ты, теперь опальный,
 А когда-то боевой,
 Ревель, рыцарь феодальный
 Подъ заржавѣвшей броней,

Ты у моря тихо дремлешь
 Подъ напѣвами волны,
 Но сквозь сонъ еще ты внемлешь
 Гулъ геройской старины.

Ты не праздно вѣкъ свой прожилъ
 И въ рукѣ держалъ булаву;
 То сосѣдовъ ты тревожилъ,
 То сосѣдями былъ сжать.

Много бурь и много славы
Пало на главу твою:
О тебѣ не разъ державы
Перевѣдались въ бою.

Смѣлый Карлъ и Петръ могучій,
Разгорѣвшися враждой,
Какъ двѣ огненные тучи,
Разразились надъ тобой.

Я люблю твоихъ обломковъ
Окровавленную пыль:
Въ нихъ хранится для потомковъ
Благородныхъ предковъ былъ.

Эти язвы и сѣдины —
Украшенье городовъ:
Въ нихъ минувшаго помины,
Въ нихъ помазанье вѣковъ.

Ревель Датскій, Ревель Шведскій,
Ревель Русскій! — Тотъ-же ты!
И Олай твой молодецкій
Гордо смотреть съ высоты.

КЪ ЯЗЫКОВУ, ИЗЪ ДЕРПТА.

Я у тебя въ гостяхъ, Языковъ!
Я въ княжествѣ твоихъ стиховъ,
Гдѣ эхо не забыло кликовъ
Твоихъ восторговъ и пировъ.

Я въ Дерптѣ, павшемъ предъ тобою!
 Его твой стихъ завоевалъ:
 Ты рюмоносною рукою
 Дерптъ за собою записалъ.
 Ты Русскимъ духомъ, Русской рѣчью
 Въ немъ православья подыалъ тѣнь
 И Русскихъ рюмъ своихъ картечью
 Вновь Дерпту задалъ Юрьевъ день.
 Хвала тебѣ! живое пламя
 Ты не вотще въ груди таилъ:
 Державина святое знамя
 Ты здѣсь съ побѣдой водрузилъ!
 Ты подъ его широкой славой
 Священный заключилъ союзъ:
 Орла поэзіи друглавой
 Съ орломъ Германскихъ древнихъ музъ.
 Онъ твой, сей Дерптъ Германо-росскій!
 По стогнамъ, въ розказняхъ бесѣдъ,
 Еще грохочутъ отголоски
 Твоихъ студенческихъ побѣдъ.
 Ни лѣтъ потокъ, ни элементы
 Тебѣ не страшны подъ вѣнцомъ,
 И будутъ поздніе студенты
 Здѣсь пѣть о имени твоёмъ.

Въ Италіи читай Виргилія,
 Въ Парижѣ Беранже читай:
 Гдѣ музы оперились крылья,
 Тамъ на полетъ ея взирай.
 Я здѣсь читалъ, твердилъ прилежно
 И съ полнымъ наслажденіемъ вновь
 Стихи, гдѣ стройно и мятежно
 Волнуется твоя любовь!
 Стихи, гдѣ отразились ярко
 Твои студенческіе дни,

Сквозь кои ты промчался жарко
 Какъ сквозь потѣшныя огни;
 Стихи, гдѣ мужественнымъ словомъ
 Отозвалась душа твоя
 Въ однообразьи вѣчно-новомъ,
 Какъ все глаголы бытія.
 Не слушайся невѣждъ холодныхъ,
 Не уважай судей тупыхъ:
 Сочувствій тайныхъ и свободныхъ.
 Въ нихъ не пробудить свѣжій стихъ.
 Къ тебѣ ихъ судъ неблагоклоненъ,
 Тѣмъ лучше: слѣдственно ты правъ!
 Одинъ талантъ многостороненъ,
 Многоугодивъ и лукавъ.
 Но чувство, брошенное скрытно
 Залогомъ жизни въ нашу грудь,
 Всегда одно и первобытно;
 Чѣмъ было, тѣмъ оно и будь!
 Скажите мнѣ: дыханье розы,
 Ревъ бури, гулъ морской волны,
 Веселья сердца, сердца слезы,
 Улыбка первая весны,
 Въ часы полночного молчанья
 Звѣздами вытканная твердь,
 Святыя таинства созданья:
 Рожденіе, жизнь, любовь и смерть,
 И все, что жизни намъ дороже,
 Чѣмъ намъ дано цвѣсти, скорбѣть,
 Не также-ль все одно и тоже
 Какъ было, есть и будетъ впредь?

М О Р Е.

Какъ стаи гордыхъ лебедей,
На синемъ морѣ волны блещутъ,
Лобзаются, ныряютъ, плещутъ
По стройной прихоти своей.
И упивается мой слухъ
Ихъ говоромъ необычнымъ,
И сладко предается духъ
Мечтамъ плѣнительнымъ и тайнымъ.

Такъ древности постигъ теперь
Я баснословную святыню:
О волны! красоты богиню
Я признаю за вашу дочь!
Я вѣрю: родилась она
Изъ вашей колыбели зыбкой,
И пробудила міръ отъ сна
Своею свѣжею улыбкой.

Такъ, вѣрю: здѣсь явилась ты,
Очаровательница міра!
Въ прохладѣ влажнаго сафира,
Въ стихіи свѣтлой чистоты;
Намъ чистымъ сердцемъ внушены
Прекрасныхъ таинствъ откровенья:
Изъ лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И въ наши строгія лѣта,
Лѣта существенности лютой,
При васъ однѣхъ, хотя минутой
Вновь забывается мечта!

Не смѣли измѣнить вѣка
 Вашъ образъ свѣтлый, вѣчно юный,
 Ни смертныхъ хищная рука,
 Ни рока грозного перуны!

Въ васъ нѣтъ слѣдовъ житейскихъ бурь,
 Слѣдовъ безумства и гордыни,
 И вашей дѣвственной святости
 Не опозорена лазурь.
 Кровь ближнихъ не дымитъ въ ней;
 На почвѣ, смертнымъ непослушной,
 Нѣтъ мрачныхъ знаменій страстей,
 Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной.

И если смертный возмутитъ
 Вашъ миръ преступною отвагой,
 Вы очистительною влагой
 Спѣшите смыть мгновенный стыдъ.
 Отринутый изъ чуждыхъ нѣдръ,
 Онъ поглащаемъ шумной бездной;
 Такъ пятна облачныя вѣтръ
 Сметаетъ гнѣвно въ сѣни звѣздной!

Людей и времени раба,
 Земля состарѣлась въ неволѣ:
 Шутя, ея играютъ долей
 Владыки, вѣки и судьба.
 Но вы все тѣ жъ, что въ день чудесь,
 Какъ солнце первое въ васъ пало,
 О вы, незыблемыхъ небесъ
 Пенарушимое зеркало!

Такъ и теперь моей мечтѣ
 Изъ лона зеркальной пустыни
 Свѣтлѣетъ ликъ молодой богини
 Въ прозрачно-влажной красотѣ.

Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ;
 Вершины волнъ горять игривѣй,
 И звучный ропотъ ихъ и плескъ
 Еще душѣ краснорѣчивѣй!

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣтять сны,
 Давно померкшіе въ туманѣ,
 Которые такъ ясно ранѣ
 Горѣли въ небѣ старины.
 Изъ волнъ, цѣлующихъ ее,
 Мнѣ вѣютъ рѣчи дивной дѣвы;
 Въ нихъ слышно прежнее бытѣе,
 И лѣтъ младенческихъ напѣвы.

Они чаруютъ и цѣлятъ
 Тоску сердечнаго недуга,
 Какъ мировое слово друга,
 Всѣ чувства междъ собой мирять.
 Въ невыразимости своей
 Сколь выразителемъ сей лепетъ:
 Онъ пробудилъ въ душѣ моей
 Восторговъ тихихъ сладкій трепетъ!

Какъ звучно льнетъ зефиръ къ струнамъ,
 Играя арфою воздушной,
 Такъ и въ душѣ моей послушной,
 Есть отзывъ пѣснямъ и мечтамъ.
 Волшебнo забываетъ умъ
 О настоящемъ, мысль гнетущемъ,
 И въ сладострастїи стройныхъ думъ,
 Я весь въ протекшемъ, весь въ грядущемъ!

Сюда, поэзіи жрецы!
 Сюда, существенности жертвы!
 Кумиры ваши здѣсь не мертвы
 И не померкли ихъ вѣнцы.

Про вась поэзія храниць
 Свои преданья и повѣрья;
 И здѣсь, гдѣ море вамъ шумить,
 Скрытыни свѣтлыя преддверья!

БАЛЬТІЙСКОЕ ВИДѢНІЕ.

Мнѣ улыбнулася Бальтійскихъ водъ царица
 И сердце отъ ея улыбки разцвѣло,
 Какъ въ утро Майское, когда взойдетъ денница,
 Взыграетъ сонныхъ волнъ сафирное стекло.

Какъ лебедь царствуетъ на зеркалѣ спокойномъ
 Залива тихаго, подобья небесамъ, —
 Младая, статная, она въ величьи стройномъ
 Живописуется внимательнымъ глазамъ.

Какъ пѣна свѣжая волны среброкипящей,
 Прозрачной бѣлизной чаруетъ взоръ она,
 Но, озаренная звѣздой веселья, чаще
 Оттѣнкой алою въ ней дышетъ бѣлизна.

Лазурью чистою, какъ небо голубое,
 Ея безпечные глаза освѣщены,
 Въ нихъ сердце свѣтится свободное, живое,
 Какъ жизнь младенчества, какъ Херувимовъ сны.

Въ нихъ нѣтъ минувшаго съ его печальной тѣнью,
 Тоски о будущемъ; нѣтъ страха, нѣтъ страстей;
 Лишь благодарность въ нихъ сіяетъ къ Провидѣнью
 За жизнь, которая такъ миловидна въ ней.

НОЧЬ.

Купаясь въ синевѣ зѣира,
 Какъ островъ плаваетъ луна
 И въ лонѣ влажнаго сафира
 Свѣжо рисуется она.

Не наглажусь, не налюбуюсь
 На прелесть моря и небесъ
 И въ тихой нѣгѣ повинуюсь
 Призванью таинствъ и чудесъ.

РУССКІЕ ПРОСЕЛКИ.

Скажите, знаете ль, честные господа,
 Что значить Русскими проселками ѣзда?
 Вамъ сплошь Европа вся изъ края въ край знакома:
 Въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ вы какъ дома;
 Докатитесь туда по гладкому шоссе
 И думаете вы, что такъ и ѣздить всѣ,
 И всѣ ѣзжали такъ; что, лежа, какъ на розахъ,
 Родъ человѣческій всегда ѣзжалъ въ дормезахъ
 И что, пожалуй, нашъ родоначальникъ самъ
 Не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный Макъ-Адамъ.
 Счастливыцы (какъ бы къ вамъ завербоваться въ секту?),
 Россію знаете по Невскому проспекту

Да по Симбирскому бурмистрѣ, въ вѣрный срокъ
 Къ вамъ привозящему вашъ годовой оброкъ.
 Вамъ жить легко. Судьба вамъ служить по контракту
 И васъ возить должна все по большому тракту.
 Для васъ проселковъ нѣтъ. Всегда предъ вами цѣль.
 Хотя бъ вы занесли за тридевять земель.
 Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на Русскіе проселки,
 Чтобъ о людскомъ житѣ прочистить ваши толки.
 Тутъ міръ бы вы другой увидѣли! что шагъ,—
 То яма, косогоръ, болото иль оврагъ.
 Я твердо убѣжденъ, что со временъ потопа
 Не прикасалась къ нимъ лопата землекопа.
 Какъ почву вывернулъ, размылъ и растрепалъ
 Съ небесъ сорвавшійся сей водяной обвалъ.
 Такъ и теперь она все въ томъ же безпорядкѣ,
 Вся исковеркана, какъ въ судорожной схваткѣ.
 Дорога лѣсомъ ли? Такія кочки, пни,
 Что крѣпче свой языкъ къ гортани ты прильпни—
 Не то, такой толчекъ поддастъ тебѣ, что ой-ли!
 И свой языкъ насквозь прокусишь ты. Рѣкой ли
 Дорога? Мостъ на ней ужъ подлинно живой:
 Такъ бревна въ запуски и пляшутъ подъ тобой
 И ты того и жди, что изъ за пляски этой
 Къ русалкамъ попадешь съ багажемъ и каретой.
 Есть перевозъ ли? Плоть такое ужъ гнилье,
 Что только бабамъ мыть на немъ свое бѣлье.
 Кому на казнь даны чувствительные нервы,
 (Недугъ новѣйшихъ дней), тому совѣтъ мой первый:
 Проселкомъ на Руси не ѣздить никогда.
 Пройди сто верстъ пѣшкомъ; устанешь—не бѣда:
 За то ты будешь цѣль и съ нервами въ покоѣ;
 Не будетъ дергать ихъ, коробить въ перебоѣ
 И не начнешь въ сердцахъ, забывъ и страхъ и грѣхъ,
 Какъ Демонъ Пушкина, злословить все и всѣхъ,
 Опасность я видалъ и передрагъ не мало
 На сушѣ и водахъ въ мой вѣкъ мнѣ предстояло.

Былъ Бородинскій день, день жаркій, боевой!
 Французское ядро визжало надо мной
 И если мирнаго поэта пожалѣло,
 За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.
 Я на морѣ горѣлъ, и сквозь ночную тьму
 (Не мнѣ бы тутъ стоять, а Данте самому),
 Не сѣнный, наяву, я зрѣлъ двѣ смерти рядомъ
 И каждую съ своимъ широкозѣвнымъ адомъ:
 Одинъ весь огненный и пышущій, другой
 Холодный, сумрачный, бездонный и сырой;
 И оставалось мнѣ на выборъ произвольной
 Быть гусемъ жаренымъ или рыбой малосольной.
 Еще есть черная отмѣтка на счету.
 Двухъ паровозовъ, двухъ вулкановъ на лету
 Я видѣлъ сшибку: лобъ со лбомъ они столкнулись,
 И страшно крикнули, и страшно пошатнулись—
 И смертоносенъ былъ напоръ сихъ двухъ громадъ.
 Вотъ вамъ живописалъ я свой и третій адъ.
 Но это случаи, несчастье, приключенье!
 А здѣсь—такъ быть должно, такое заведенье,
 Порядокъ искони нормальной, коренной,
 Чтобъ быть, какъ на часахъ, безсмѣнно предъ бѣдой
 И если выйдешь сухъ нечаянно отъ Сциллы,
 То у Харибды ждать увѣчья или могилы.
 Проселки адъ земной; но нашъ авось великъ!
 Великъ—ужь нечего сказать—и нашъ ямщикъ.

1 русский Богъ великъ

ЗИМНІЯ КАРИКАТУРЫ.

1.

РУССКАЯ ЛУНА.

Русакъ, по истинѣ сказать,
 Не полунощникъ, не лунатикъ:
 Не любитъ ночью нашъ флегматикъ
 На звѣзды и луну зѣвать.

И если въ лавкахъ Музы Русской
 Луной торгуютъ на подхватъ,
 То развѣ, взятой на прокатъ,
 Луной Нѣмецкой иль Французской.

Когда-жъ въ каникулы зимы
 Горитъ у насъ морозъ трескучій—
 И мѣсяцъ на небѣ безъ тучи
 Навѣрно мерзнетъ какъ и мы.

«Теперь-то быть въ дорогѣ славно!»
 Подхватить тутъ прямой Русакъ.
 Да, чорта съ два! какъ-бы не такъ!
 Куда пріятно и забавно!

Нѣтъ, воля ваша, господа!
 Когда морозъ деретъ по кожѣ,
 Мнѣ теплая постель дороже,
 Чѣмъ ваша прыткая ѣзда.

2.

КИБИТКА.

Что за медвѣжіе набѣги,
 Самъ-другъ съ медвѣдемъ на спинѣ?
 Нѣтъ, нѣтъ, путь зимній не по мнѣ:
 Морозъ, ухабы, выюги, снѣги.

А подвижной сей казематъ,
 А подвижная эта пытка,
 Которую зовутъ: кибитка,
 А изобрѣлъ намъ—зимній адъ.

Неволя, духота и холодъ;
 Ночь забнетъ, а въ ногахъ тоска;
 То подтолкнетъ тебя въ бока,
 То головой стучишь, какъ молотъ.

И все, что небо обрекло
 На сонъ вещественныя смерти,
 Движеньемъ облакаютъ черти
 Страдальцу горькому на зло,

Подушки, отдыха пріюты,
 Неугомонною вознѣй
 Скользятъ, вертятся подъ тобой.
 Какъ будто въ нихъ бѣсенокъ лютей,

Иль шерстью съ звѣря царства тьмы
 Набилъ ихъ адскій пересмѣшникъ
 И разорвавъ свой саванъ, грѣшникъ
 Далъ вѣдъмамъ наволки въ займы.

И въ шапкѣ дьяволъ колобродить:
 То лобъ тѣснить, то съ лба ползеть,
 То голова въ нее уйдетъ,
 То съ головы она уходитъ.

Что въ платьѣ шовъ—то ужъ рубецъ;
 Въ оковахъ словно руки, ноги;
 Ихъ снаряжая для дороги,
 Твой камердинеръ былъ кузнецъ.

Дремота липнетъ ли къ рѣсницѣ,
 Твой сонъ—горячки бредъ шальной:
 То обопрется домовой
 На грудь желѣзной рукавицей;

То хочешь ты безъ крылъ летѣть,
 То падаешь въ пучину съ моста,
 То вдругъ невиданнаго роста
 Идетъ здороваться медвѣдь;

То новый врагъ передъ страдальцемъ:
 Съ тетрадю толстой риемодуль
 Стихами въ петлю затянулъ,
 Схватя за петлю мощнымъ пальцемъ.

—

3.

МЕТЕЛЬ.

День свѣтитъ; вдругъ невиднo зги,
 Вдругъ вѣтеръ налетѣлъ размахомъ,
 Степь поднялася мокрымъ прахомъ
 И завивается въ круги.

Снѣгъ съ верху бѣтъ, снѣгъ вѣтъ съ низу,
Нѣтъ воздуха, небесъ, земли;
На землю облака сошли,
На день насунувъ ночи ризу.

Штурмъ сухопутный! тьма и страхъ!
Компасъ не въ помощь, ни кормило:
Чутье заглохло и застыло
И въ ямщикѣ, и въ лошадахъ.

Тутъ выскочить проказникъ лѣшій,
Ему раздолье въ кутерьмѣ:
То огонькомъ блеснетъ во тьмѣ,
То перейдетъ дорогу пѣшій;

Тамъ колокольчикъ гдѣ-то брякъ,
Тутъ добрый человекъ аукнетъ,
То кто нибудь въ ворота стукнетъ,
То слышенъ лай дворныхъ собакъ.

Пойдешь впередъ, поищешь съ боку,
Все глушь, все снѣгъ, да мерзлый паръ.
И Божій міръ сталъ снѣжный шаръ
Гдѣ какъ ни шаришь, все безъ проку.

Тутъ къ лошадямъ косматый врагъ
Кувыркнется съ поклономъ въ ноги
И въ полночь самую съ дороги—
Кибитка на бокъ и въ оврагъ.

Ночлегъ и тихій, и съ просторомъ:
Тутъ тараканамъ не залѣзть
И развѣ волкъ ночнымъ дозоромъ
Придетъ провѣдать: кто тутъ есть?

УХАБЫ. ОБОЗЫ.

Какой враждебный духъ, духъ зла, духъ разрушенья,
 Какой свѣрѣпый ураганъ
 Стоячей качкою, волнами безъ движенья
 Изрылъ сей снѣжный океанъ?

Кибитка-ладія шатается, ныряетъ:
 То въ глубь ударится со скользкой крутизны,
 То дыбомъ на хребетъ замерзнувшей волны
 Ее насильственно кидаетъ.

Хозяйство, урожай, плоды земныхъ работъ,
 Въ народномъ бюджетъ вы свѣтлые итоги,
 Вы капиталъ земли стремите въ оборотъ,
 Но жаль, что портите вы зимнія дороги.

На креслахъ у огня, не хуже чѣмъ Дюпень,
 Движенья силъ земныхъ я радуюсь избытку;
 Но радъ я проклинать, какъ попаду въ кибитку,
 Труды, промышленность и пользы деревень.

Обозы, на Руси быть *зимнимъ судоходствомъ*
 Васъ Русскій Богъ обрекъ—и милость велика:
 Помѣщики отъ васъ и съ деньгой, и съ дѣродствомъ,
 Но въ проѣзжающихъ болятъ отъ васъ бока.

Покажется Декабрь—и тысячи обозовъ
 Изъ пристаней степныхъ пойдутъ за барышемъ,
 И путь, уравненный отъ снѣга и морозовъ,
 Начнутъ коверкать непутемъ;

Несутъ къ столицамъ ненасытнымъ
 Что цѣлый годъ росло, а люди въ день съѣдать:
 Богатства Русскія подъ видомъ первобытнымъ
 Гречихи, ржи, овса ѣ мерзлыхъ поросять;

И сельскихъ прихотей запасъ разнообразный,
 Ко внукамъ бабушекъ гостинцы изъ села;
 И городскимъ властямъ невинные соблазны:
 Соленые грибы, наливки, постила.

Какъ муравьи, они копышата роями,
 Какъ муравьямъ, имъ счета не свести;
 Какъ зміи длинныя, во всю длину пути
 Перегибаются лѣнивыми хребтами.

То разрываютъ снѣгъ пронзительнымъ ребромъ,
 И застываетъ слѣдъ, прорѣзанный глубоко;
 То разгребаютъ снѣгъ хвостомъ,
 Который съ бока въ бокъ волочится широко.

Ужъ хлѣбосольная Москва
 Ждетъ сухопутныя флотилы;
 Въ гостепріимномъ изобиліи
 Ея повыбились права.

Всю душу передавъ заботливому взору,
 Къ окну разъ десять въ день подходитъ Бригадиръ,
 Глядитъ и думаетъ: придетъ-ли помощь въ пору?
 Задастъ-ли съ честью онъ свой именинный пиръ?

Съ умильной радостью, съ слезой мягкосердечья,
 Ужъ исчисляетъ онъ гостей почетныхъ звѣздъ,

И сколько блюдъ и сколько звѣздъ
 Украсятъ пиръ его въ глазахъ замоскворѣчья.

Ужъ предначертанъ планъ, какъ дастся сытный бой,
 Чтобъ быть ему гостей и дня того достойнымъ.

Ужъ въ тѣсной залѣ столъ большой
 Рисуется предъ нимъ покоемъ безпокойнымъ.

Просторъ локтямъ! изрекъ Французской кухни суди;
 По намъ онъ не указъ, благодаримъ покорно!
 Другъ друга поприжавъ, намъ будетъ всемъ просторно:
 Вѣдь люди въ тѣсотѣ живутъ.

И хриплымъ голосомъ, и брюхомъ навиду,
 Рожденный быть вождемъ въ служительскихъ фалангахъ,
 Дворецкій съ важностью въ лицѣ и на ходу
 Разносить кушанья по табели о рангахъ.

Дверь настезъ: съ торжествомъ, какъ витязъ на щитахъ,
 Толпой рабовъ осетръ выносятся картинно;
 За нимъ, салфеткою спелѣнутую, чинно
 Несутъ вдову Клико, согрѣтую въ рукахъ.—

Молю: въ желанный срокъ да не придетъ обомъ—
 И за мои бока молю я: мщенья! мщенья!
 А если и придетъ,—да волей Провидѣнья
 День именинъ твоихъ днемъ будетъ горькихъ слѣзъ.

Испорченный судьбой, кухмистромъ и дворецкимъ,
 Будь пиръ твой въ стыдъ тебѣ, гостямъ твоимъ во вредъ!
 Будь гость, краса и честь пирамъ замоскворѣцкимъ.
 Отозванъ на другой обѣдъ!

Но если онъ тебя прибытьемъ удостоить,
 Пусть не покажется ему твоя хлѣбъ-соль,
 И что нибудь нечаянно разстроить
 Устроенный ему за мѣсяцъ рокамболь.

УХАБЪ.

Надъ кѣмъ судьбина не шутила
И кто проказъ ея не рабъ?
Слѣпая приговоръ скрѣпила
И съ бада я попалъ въ ухабъ!

Въ ухабѣ сидя, вакъ въ берлогѣ.
Я на досугѣ разсуждалъ
И въ свѣтѣ, какъ и на дорогѣ,
Ухабовъ много насчиталъ.

Ухабисть путь къ столицѣ счастья;
Но случай будь на облучкѣ—
Ни ямъ не бойся, ни ненастья!
Засни, проснешься, — сонъ въ рукѣ!

Тебя до мѣста другъ убогій—
Достоинство не доведётъ:
Наѣдетъ случай — и съ дороги
Какъ разъ въ ухабъ тебя столкнетъ.

Чѣмъ груза болѣе въ поклажѣ,
Чѣмъ выше ходъ твоихъ саней,
Тѣмъ путь опаснѣй! яма та же
Въ смиренныхъ розвальняхъ сноснѣй!

Риёмачъ! когда въ тебѣ есть совѣсть,
Въ чужія сани не садись:
Ты Фэтона вспомни повѣсть
И съѣсть въ ухабъ поберегись!

Иной по Липецкому тракту
 Добхать къ Таіи хотѣлъ,
 Но съ перваго онъ сбился акту,
 Въ ухабъ попался и—засѣлъ,

—

ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

I.

Какъ хороша Москва весною!
 Какъ хороша весна въ Москвѣ!
 Надъ этой пестрою громадой
 День яркій блещетъ въ синевѣ.

Благоуханья полонъ воздухъ,
 Онъ вѣетъ мягкой теплотой
 И упоительная нѣга
 Несется сладкою струей.

Все дышетъ жизнью и весельемъ,
 Все празднуетъ цвѣтуцій Май:
 Сады зеленымъ ожерельемъ
 Переплелись изъ края въ край.

Изъ волнъ воздушныхъ выплывая,
 Златые куполы горятъ;
 Кресты, какъ Серафимовъ стая,
 Съ земли на небеса парятъ.

Съ холмовъ Москвы вперяю очи
 Въ широкій, дальній небосклонъ:
 Монастыри, лѣса и села
 Красуются со всехъ сторонъ.

Поившая своей волною
 Давно минувшіе вѣка,
 Тамъ вѣется свѣтлой полосой
 Смиренная Москва-рѣка.

Ея изгибами игриво
 Объяты жатвы и луга
 И Карамзинъ краснорѣчиво
 Ея прославилъ берега.

Когда на гладь рѣки наводитъ
 Свой алый блескъ сходящій день,
 Тамъ *бѣдной Лизы* грустно бродитъ
 Москвой оплаканная тѣнь.

Ее почувешь думой нѣжной
 И видишь: какъ въ рѣчной потокъ
 Она, въ часъ грусти безнадежной,
 Кидаеть ландышей пучокъ.

—

II.

Священны, о Москва! преданья
 Твоихъ краснорѣчивыхъ стѣнъ:
 Онѣ скрижали бытописанья
 Богатыхъ славою временъ.

Твой Кремль-алтарь нашъ и твердыня!
 Онѣ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
 Онѣ наша сила и святыня,
 Молебникъ и архистратигъ.

Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
 Онъ носить жезлъ и копье.
 За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
 За Русь страдалъ и спасъ ее.

Чье сердце Русское не дрогнетъ,
 Когда съ твоихъ колоколовъ
 Раздастся въ благовѣстѣ громкомъ
 Къ народу православный зовъ?

Течетъ толпа за крестнымъ ходомъ,
 Въ одинъ потокъ слилась Москва;
 Все духовенство предъ народомъ,
 Святое войско Божества,

Грядетъ во блескѣ облаченья,
 Сіяетъ золотомъ парча,
 Хоругви выются, льются пѣнья,
 Напѣвомъ неземнымъ звуча.

Благочестивая картина,
 Народной памяти обрядъ!
 Годинъ вслѣдъ прошла година,
 Пройдетъ вѣковъ грядущихъ рядъ—

На этотъ праздникъ ежегодной,
 На эту тризну старины
 Съ молитвой вновь семьей народной
 Стекутся вѣрные сыны

И мѣстный образъ подымая,
 Устроить тотъ же крестный ходъ,
 Обычай предковъ поминая,
 Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

Струя преданій! Поколѣнѣямъ
 Святой, живительный родникъ!
 Гдѣ ты хранишь съ благоговѣнѣемъ,—
 Народъ тамъ крѣпокъ и великъ!

III.

Твердятъ: ты съ Азіей Европа,
 Славянскій и Татарскій Рымъ,
 И то, что зрѣлось до потопа,
 Въ тебѣ еще и нынѣ зримъ.

Въ тебѣ и новый міръ, и древній;
 Въ тебѣ пасутъ свои стада
 Патріархальныя деревни,
 У Патріаршаго пруда.

Строенія всѣхъ цвѣтовъ и зодчествъ,
 А надписи на воротахъ—
 Наборъ такихъ именъ и отчествъ,
 Что просто зарядить въ глазахъ.

Здѣсь чудо—барскія палаты
 Съ гербомъ, гдѣ вписанъ знатный родъ;
 Вблизи на—курьихъ ножкахъ хаты
 И съ огурцами огородъ.

Поэзія съ торговлей рядомъ;
 Ворвался Манчестеръ въ Царь-градъ,
 Паровики дымятся смрадомъ,
 Рай нѣги и рабочій адъ!

Кузнецкій мостъ давно безъ кузницъ,
Парижа пестрый уголокъ,
Гдѣ онъ вербуетъ Русскихъ узницъ,
Гдѣ онъ собираетъ съ нихъ оброкъ.

А тутъ, посмотришь,—Русь родная
Съ своею древней простотой,
Не стертая, не початая,
Какъ самородокъ золотой,

Русь въ кичкѣ, въ красной душегрѣйкѣ
Она, какъ будто за сто лѣтъ,
Живетъ себѣ на Моросейкѣ
И до Европы дѣла нѣтъ.

Все это такъ—и тѣмъ прекраснѣй!
Разнообразье—красота:
Быль жизни, съ своенравной басней;
Здѣсь хламъ, тамъ свѣжая мечта.

Здѣсь личность есть и самобытность,
Кто я, такъ я, не каждый мы:
Чувствъ подчиненность или скрытность
Не заморозила умы.

Нѣтъ обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общихъ формъ;
'Что конь степной—здѣсь каждый малой,
Разнузданъ на подножный кормъ.

У каждого свои причуды
И свой аршинъ съ своимъ конькомъ.
Свой нравъ, свой толкъ и пересуды
О томъ, о семъ и ни о чемъ.

Москва! подь оболочкой пестрой,
Храни свой самородный бытъ!
Пусть Грибоѣдовъ шуткой острой
Тебя насмѣшливо язвить,

Ты не смущайся, не мѣняйся;
Вѣками вылитая въ мѣдь,
На Кремль свой гордо опирайся
И чѣмъ была, тѣмъ будь и впредь!

Величье есть въ твоёмъ упадкѣ,
Въ рубцахъ твоихъ истертыхъ латъ!
Есть прелесть въ этомъ безпорядкѣ
Твоихъ разбросанныхъ палатъ,

Твоихъ садовъ и огородовъ,
Высокихъ башенъ, пустырей,
Съ желѣзной мачтою заводовъ
И съ колокольнями церквей.

Есть прелесть въ дружбѣ хлѣбосольной
Гостепріимныхъ Москвичей,
Въ ихъ важности самодовольной,
Въ игрѣ невинныхъ ихъ затѣй.

Здѣсь повсемѣстный и всегдашній
Есть Русскій складъ есть Русскій духъ,
Начать—отъ Сухаревой башни
И кончить—сплетнями старухъ

ДОМЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРИЕВА.

Я помню этотъ домъ, я помню этотъ садъ:
 Хозяинъ ихъ всегда гостямъ своимъ былъ радъ
 И ждали каждого, съ радушьемъ теплой встрѣчи,
 Улыбка свѣтлая и прелесть умной рѣчи.
 Онъ въ свѣтѣ былъ министръ, а у себя поэтъ,
 Отрекшійся отъ всѣхъ соблазновъ и суетъ;
 Предъ старшими былъ гордъ заслуженнымъ почетомъ:
 Онъ шелъ прямымъ путемъ и выводилъ честнымъ счетомъ
 Итогъ своихъ чиновъ и почестей своихъ.
 Онъ правильную жизнь и правильный свой стихъ
 Могъ выставить въ примѣръ вельможамъ и поэтамъ.
 Но съ младшими ему по чину и по лѣтамъ
 Спѣсь щекотливую охотно забывалъ:
 Онъ умъ отыскивалъ, талантъ разуживалъ,
 И гдѣ ихъ находилъ, —тамъ, радуясь усѣху,
 Не спрашивалъ: какихъ чиновъ они, иль цѣху?
 Но на-стежъ растворялъ и душу имъ и домъ.
 Заранѣ въ цвѣткѣ любуясь плодомъ,
 Ласкалъ онъ молодежь, любилъ ея порывы;
 Но не былъ онъ предъ ней низкопоклонникъ лстыивый,
 Не закупаъ цѣной хвалебныхъ ей рѣчей
 Прощенья сѣдинъ и доблести своей.
 Вниманьемъ ласковымъ, судомъ безстрастно-строгимъ,
 Онъ былъ доступенъ всѣмъ и вѣрный кормчій многимъ.
 За то въ глупцовъ мѣтка была его стрѣла!
 Жужжащій враль, комаръ съ замашками орла,
 Чужихъ достоинствъ врагъ, за неимѣнемъ личныхъ;
 Поэтъ-ли, образецъ поэтовъ горемычныхъ;
 Надутый самохвалъ, сыгравшій жизнь въ ничью,
 Влюбленный по уши въ посредственность свою,

(А уши у него Мидасовыхъ не хуже;)
 Профессоръ ли вранья и наглости къ тому же;
 Пролазъ ли съ сладенькой улыбкою ханжи;
 Болтунъ ли, вѣстовщикъ, разнощикъ всякой лжи;
 Ласкатель ли въ глаза, а клеветникъ заочно;—
 Кто бъ ни рѣдѣлъ его, случайно или нарочно,
 Кто бъ ни былъ изъ среды сей пестрой и смѣшной,
 Онъ каждого кололъ незлобивой рукой.
 Болячку подсыпалъ аттической солью—
 И съ неизгладимой царапиной и болью,
 Пойдетъ на весь свой вѣкъ отмѣченный бѣднякъ
 И повеситъ тавро: подлецъ, или дуракъ.

Подъ римской тогою наружности холодной,
 Онъ съ любящей душой умъ острый и свободной
 Соединялъ: въ своихъ онъ мифахъ былъ упрямъ,
 Но и просторъ давать любилъ чужимъ рѣчамъ.
 Типъ самобытности, онъ самобытность ту же
 Не только допускалъ, но уважалъ и вчувѣ;
 Ни предъ собою онъ, ни предъ людьми не лгалъ.
 Власть моды на дѣла и платья отвергалъ:
 Когда все были сплошь подъ черный цвѣтъ одѣты,
 Онъ и зеленый фракъ, и пестрые жилеты
 Носилъ; на свой покрой онъ жизнь свою кроилъ,
 Сынъ вѣка своего и вмѣстѣ старожилъ.
 Хоть онъ Карамзина предпочиталъ Шишкову,
 Но тотъ же старовѣръ, любви къ родному слову,
 Нарѣчиемъ чужимъ прельщаться, не оскорблялъ
 И Рускимъ Русскій умъ по Русски заявлялъ;
 При томъ, храня во всемъ разсудка толкъ и мѣру,
 Петрова онъ любилъ, но не въ ущербъ Вольтеру,
 За Лафонтеномъ въ слѣдъ, онъ вымысла цвѣты,
 Съ оттѣнкомъ свѣжести и блескомъ красоты,
 На почву русскую переносилъ удачно.
 И плавный стихъ его, струящійся прозрачно,

Какъ въ зеркалѣ и мысль, и чувство отражалъ.
 Лабынымъ словаремъ онъ стихъ свой не сужалъ,
 Но кистью вѣрною художника-поэта
 Изящно подбиралъ онъ краски для предмета:
 И смотреть у него, какъ будто съ полотна,
 Воинственный *Ермакъ* и *Модная жена*.

Случайно-ль заглянусь на домъ сей мимоходомъ—
 Скользятъ за мыслью мысль и годъ за дальнимъ годомъ.
 Прозраченъ здѣсь потокъ и сумракъ дней былыхъ:
 Здѣсь память съ стаею заветныхъ сновъ своихъ
 Свила себѣ гнѣздо, подъ этимъ милымъ кровомъ;
 Картина старины, всегда во блескѣ новомъ,
 Рисуется моимъ внимательнымъ глазамъ,
 Съ привѣтомъ ласковымъ улыбокъ, или слезамъ.

Какъ много вечеровъ, безъ свѣтскихъ развлеченій,
 Но полныхъ прелести и мудрыхъ поученій,
 Здѣсь съ старцемъ я провелъ: его живой рассказъ
 Ушамъ былъ музыка и живопись для глазъ.
 Давно-минувшихъ дней то Рембрандтъ, то Светоній,
 Гражданскихъ доблестей и наглыхъ беззаконій
 Онъ краской яркою картину согрѣвалъ.
 Подъ кисть на голосъ свой онъ лица вызывалъ
 Съ ихъ бытомъ, нравами, одеждой, обстановкой;
 Онъ личность каждую скрѣпить чертою ловкой
 И въ мѣткомъ словѣ дать портретъ и приговоръ.

Екатерины вѣкъ, ея роскошный дворъ,
 Созвѣздіе именъ, спутниковъ Фелицы,
 Народной повѣсти блестящія страницы,
 Сановники, вожди, хоръ избранныхъ пѣвцовъ,
 Глашатаи побѣдъ: Державинъ и Петровъ, —
 Все облекалось въ жизнь, въ движеніе и въ глаголы.

То, возвращаясь мечтой въ тотъ возрастъ свой веселый,
 Когда онъ отрокомъ счастливо расцвѣталъ
 При матери, въ глазахъ любовь ея читалъ

И тайну первых думъ и первых вдохновеній
 Любимцу своему повѣдалъ вѣщій геній, —
 Онъ тутъ воспоминалъ: родной дубравы тѣнь,
 Надъ свѣтлой Волгою горящій лѣтній день,
 На крыльяхъ парусовъ летящія расшивы,
 Златою жатвою струящіяся нѣвы,
 Картины зимнія и праздники весны,
 И домъ родительскій, святыню старины,
 Куда издалека вторгалась съ новымъ лоскомъ
 Жизнь новая, а съ ней слетались отголоскомъ
 Шумъ и событья дня, одно другому въ слѣдъ:
 То Задунайскій громъ Румянцовскихъ побѣдъ,
 То вѣсть иныхъ побѣдъ миролюбивой славы,
 Науки торжество и мудрые уставы,
 Забота и плоды державнаго пера,
 То споръ временщиковъ на поприщѣ двора,
 То книга новая со сплетнею вчерашней.
 Всю эту жизнь среды семейной и домашней,
 Весь этотъ свѣжій міръ поэзіи родной,
 Еще сочувственный душѣ его молодой,
 Умѣвшей сохранить средь искушеній свѣта
 Всю впечатлительность и свѣжесть чувствъ поэта, —
 Все помнилъ онъ, умѣлъ всему онъ придавать
 Блескъ поэтической и мѣстности печать.
 Онъ память вопрошалъ и живописью слова
 Давалъ минувшему онъ плоть и краски снова.

То Гогарта схвативъ игривый карандашъ
 (Который за десять изъ новыхъ не отдашь)
 Онъ, съ Русскимъ юморомъ и напрямикъ съ натуры,
 Изъ глупостей людскихъ кроилъ карикатуры.

Безстрастное лицо и медленная рѣчь;
 А слушателя онъ умѣлъ съ собой увлечь,
 И поучалъ его, и трогалъ — какъ придется,
 Иль со-смѣху морилъ, а самъ не улыбнется.

Какъ живо памятны мнѣ эти вечера:
Сдается, старца я заслушался вчера.

Давно ужъ нѣтъ его въ Москвѣ осиротѣвшей!
Съ нимъ свѣтлой личности, въ немъ рѣзко уцѣлѣвшей,
Утраченъ на всегда послѣдній образецъ.
Теперь всѣ подѣ одинъ чеканъ: одинъ рѣзецъ
Всѣмъ тотъ-же далъ объемъ и вѣсъ: мы промѣняли
На деньги мелкія старинныя медали;
Не выжмешь личности изъ уровня людей.
Отрекшись отъ своихъ кумировъ и властей,
Таланта и ума клянемъ аристократство;
Теперь въ большомъ ходу посредственности братство:
За норму общую—посредственность беремъ,
Боясь чтобъ ктонибудь владычества яремъ
Не наложилъ на насъ своимъ авторитетомъ;
Мы равенствомъ больны и видимъ здравье въ этомъ.
Намъ душно, мысль одна о томъ намъ давить грудь.
Чтобъ уважать могли и мы когонибудь;
Всѣ говорить спѣшимъ, а слушать не умѣемъ;
Мы платонической къ себѣ любовью тлѣемъ
И на колѣняхъ мы—но только предъ собой.

Въ иномъ и поотсталъ нашъ вѣкъ передовой,
Какъ ни цѣни его победы и открытѣя:
Въ наукѣ жить умно, въ искусствѣ общежитья,
Въ сей вѣжливости формъ изящныхъ и простыхъ,
Дававшей людямъ блескъ и мягкость правамъ ихъ,
Которая была въ условленныхъ границахъ—
Что слогъ въ писателѣ и миловидность въ лицахъ;
Въ уживчивости свойствъ, въ терпимости, въ любви,
Которую теперь гуманностью зови;
Во всемъ, чѣмъ общество тогда благоухало
И не стыдясь, свой путь цвѣтами усыпало,
Во всемъ, чѣмъ встарь жилось по вкусу, по душѣ,
Предъ старымъ—новый вѣкъ не слишкомъ въ барышѣ.

Тотъ разговорчивъ былъ: средь дружеской бесѣды
 Мѣнялись мыслями и юноши, и дѣды,
 Одни съ преданьями, плодами думъ и лѣтъ,
 Другихъ манилъ впередъ надежды пышный цвѣтъ.
 Тутъ былъ просторъ для всѣхъ и возрастовъ, и мнѣй —
 И не было вражды у встрѣчныхъ поколѣй.

Такъ видимъ, надъ Невой, въ прозрачный лѣтній день,
 Заката свѣтлаго серебряная тѣнь
 Сливается въ красъ торжественной и мирной
 Съ зарею утренней на вышинѣ сафирной:
 Здѣсь вечеръ въ заревѣ, тамъ утро разсвѣло.
 И вечеръ такъ хорошъ, и утро такъ свѣтло,
 Что радости своей предѣла ты не знаешь:
 Ты провожаешь день, ты новый день встрѣчаешь
 И любишь дня закатъ, и любишь дня разсвѣтъ, —
 И осень старости, и весну юныхъ лѣтъ.

ВЕЧЕРЪ НА ВОЛГѢ.

Дыханье вечера долину освѣжило,
 Благоухаетъ дровъ трепещущая сѣнь
 И яркое свѣтило,
 Спустившись въ нѣдра водъ, уже переступило
 Плающихъ небесъ послѣднюю ступень.
 Повсюду разлилось священное молчанье;
 Почило на волнахъ,
 Игривыхъ вѣтровъ трепетанье,
 И скатерть синихъ водъ сравнялась въ берегахъ.
 Чья кисть, соперница природы,

О Волга, рѣкъ краса! тебя изобразить?
 Кто въ облачной дали конецъ тебѣ прозрѣть?
 Съ лазурной высотой твои сравнились воды
 И пораженный взоръ, оцѣпенѣвъ, стоитъ

Надъ влажною равниной;

Иль, увлекаемый окрестною картиной,
 Онъ бродитъ по твоимъ красивымъ берегамъ:
 Здѣсь темный рядъ лѣсовъ подъ ризою тумановъ,
 Гряда воздушная синѣющихъ кургановъ,
 Вдали громада селъ, лежащихъ по горамъ,
 Луга, платящіе дань злачную стадамъ,
 Поля, одѣтыя волнующимся златомъ, —
 И взоръ теряется съ прибережныхъ вершинъ

Въ разнообразіи богатомъ

Очаровательныхъ картинъ.

Но вдругъ передъ собой зрю новое явленіе:
 Плывающимъ островамъ подобяся вдали,
 Огромныя суда въ медлительномъ пареньѣ
 Несутъ по лону водъ сокровища земли;
 Ихъ крылья смѣлыя по воздуху бѣлѣютъ,
 Ихъ мачты, какъ въ водахъ бродящій лѣсъ, темнѣютъ.

Люблю въ вечерній часъ, очарованья полнѣ,
 Подслушивать, о Волга величава,
 Гласъ поэтическій твоихъ священныхъ волнъ;
 Въ нихъ отзывается Россіи древней слава.
 Или, покинувъ брегъ, люблю гнать рѣзвый чолнъ
 По ропотнымъ твоимъ зыбамъ — и сердцемъ веселъ,

Подъ шумомъ дружныхъ весель

Забывшись на яву, одинъ дремать въ мечтахъ.

Поэзіи сынамъ твои знакомы воды

И Музы на твоихъ прохладныхъ берегахъ,

Въ шумящихъ тростникахъ,

Въ часъ утренней свободы,

Съ цѣвницами въ рукахъ,

Водили хороводы
 Со стасй Нимфъ молодыхъ
 И отзывъ горъ крутыхъ,
 И вѣковые своды
 Встревоженныхъ дубравъ
 Ихъ пѣснями звучали
 И звонкій гласъ забавъ
 Окрестъ передавали.

Державинъ, Несторъ Музъ и мудрый Карамзинъ,
 И Дмитріевъ, Харитъ счастливый обожатель,
 Величья твоего пѣвецъ - повѣствователь,
 Тобой воспоены средь отческихъ долинъ.
 Младое пѣнье ихъ твой берегъ оглашало,
 И слава ихъ чиста, какъ водъ твоихъ зеркало,
 Когда глядится въ нихъ лазурный сводъ небесъ,
 Безмолвной тишиной окованъ ближній лѣсъ
 И рѣзвый вѣтерокъ не шевелитъ струю.
 Ихъ геній мужественъ, какъ геній водъ твоихъ.
 Когда гроза во тьмѣ клубится надъ тобою
 И пѣною кипятъ громады волнъ сѣдыхъ;
 Противникъ наглыхъ бурь, онъ злобѣ ихъ упорной
 Смѣется, опершись на берегъ, ему покорной.
 Обширенъ ихъ полетъ, какъ бѣгъ обширенъ твой;
 Какъ ты, сверша свой путь, назначенный судьбой,
 Въ пучину Каспія мчишь волны обновленны,
 Такъ славные ихъ дни, согражданамъ священны,
 Сольются, кругъ сверша, съ безсмертіемъ въ вѣкахъ!
 Но мнѣ ли помышлять, но мнѣ ли пѣть о славѣ?
 Мой жребій: бѣгъ ручья, въ безвѣстныхъ берегахъ
 Віющійся въ дубравъ!
 Счастливъ онъ, если могъ цвѣты струей омыть
 И ропотомъ пріятнымъ
 Младыхъ любовниковъ шаги остановить
 И сердце ихъ склонить къ мечтаньямъ благодатнымъ.

УТРО НА ВОЛГѢ.

Еще волнуются туманы
 Еще объята мглой рѣка;
 Какъ безобразны великаны,
 По небу мчатся облака;
 Ночною ризою земля еще одѣта,
 Но въ легкомъ, чуткомъ полуснѣ
 Ужъ ждетъ прекраснаго разсвѣта
 Въ нетерпѣливой тишинѣ.

Вотъ утра свѣжій вѣтръ повѣялъ,
 Расшевелилъ дремавшій лѣсъ
 И паръ съ лица земли разсыпалъ,
 И растворилъ лазурь небесъ.
 Какъ мысль Всевышняго, на пурпурномъ востокѣ
 Златая искра занялась
 И быстро въ огненномъ потокѣ
 Лучами свѣта разлилась.

Природы пиръ, творенья радость,
 Свѣтлѣетъ утро на землѣ:
 Такъ, улыбаясь, блещетъ младость
 На чистомъ дѣвственномъ челѣ.
 Волнуются ауга-бродящими стадами
 И звонко ожили древа
 Сладкозвучащими хвалами
 Крылатыхъ пѣвчихъ Божества.

Предупреда разсвѣтъ денницы.
 Рыбакъ на дерзостномъ челнѣ,
 Закинувъ легкія пловницы,
 Скользитъ по трепетной волнѣ.

Напрасно сладкій сонъ его лелѣть вѣжды,

Онъ отъ одра уже бѣжить:

Весло его въ рукѣ надежды,

Корысть съ нимъ на кормѣ сидитъ.

Влекомый вѣтеркомъ прохладнымъ,

Онъ гонитъ быстрюю ладью

И сторожить вниманьемъ жаднымъ

Добычу тайную свою.

О радость! счастливъ ловъ! на злачный брегъ влечется

Чешуйчатая дань зыбей

И плѣнница напрасно бьется

О сѣть, безжалостную къ ней.

Сынъ матери, чадолюбивой,

Природы сынъ и вѣрный другъ,

Сбираетъ пахарь съ щедрой нивы

Плодъ годовыхъ своихъ заслугъ.

Усыяны поля согбенными толпами,

Сверкаютъ острые серпы,

И позлащенными холмами

Встаютъ тяжелые снопы.

Все торжествуетъ дня рождение.

И доль, и тверди высота;

Повсюду стройное движенье,

Порядокъ, польза, красота.

Промчался жизни духъ надъ спящею землею!

Все пробудилось, расцвѣло.

Все блещетъ силой молодою;

Все звукъ и душу обрѣло.

Бѣглець природы, рабъ пристрастья,

Постыдный данникъ суеты,

Донынѣ зрѣлъ я безъ участья

Природы свѣтлой красоты.

Не для моихъ очей и лѣто разстидало
 Ткань изумрудную въ лугахъ,
 И алчной жатвѣ созрѣвало
 Богатство осени въ поляхъ.

Не для меня ручьи шумѣли,
 Благоухалъ зеленый лѣсъ
 И дальнихъ горъ верхи синѣли,
 Теряясь въ бирюзѣ небесъ.

Не для моихъ очей и утро облачалось
 Въ золотой и праздничный уборъ,
 И небо звѣздное купалось
 Въ струистомъ зеркалѣ озеръ.

Въ груди моей не отзывались
 Созвучья неба и земли
 И чувства холодно пресмыкались
 Во тьмѣ, въ молчаньи и въ пыли.

Но здѣсь упала съ глазъ туманная завѣса:
 Я красоту долинъ прозрѣлъ—
 И шумъ краснорѣчивый лѣса,
 И ропотъ водъ уразумѣлъ.

Я твой, природа! твой отнынѣ!
 Отступника усынови!
 Я подхожу къ твоей святынѣ
 Съ сердечнымъ трепетомъ любви.
 Повѣдай мнѣ свои святые откровенья,
 Согрѣй меня и озари,
 И тихимъ жаромъ умиленья
 Мнѣ умъ и душу раствори.

Но скоро ли свободно сброшу
 Ярмо, гнетущее меня,
 Какъ труженикъ наемный ношу
 Бросаетъ на закатѣ дня?

Когда же къ пристани повѣтъ вѣтръ попутной,

И радугу благословлю?

И вѣрный якорь жизни смутной

О брегъ надежный укрѣплю?

Въ твоихъ святилищахъ прохладныхъ

О дай мнѣ, Волга, утолить

Тоску страстей слѣпыхъ и жадныхъ,

Дай жизнью новой мнѣ ожить,

Ожить для радостей, для мудраго покоя

И безболѣзненные дни

Дай уберечь отъ бурь и зноя

Въ твоей затиши и тѣни!

ЗВѢЗДА НА ВОЛГѢ.

Какъ тихая звѣзда, плѣнившая твой взоръ,

Свѣтлѣетъ надъ вершиной горъ

И надъ катящейся въ молчаніи рѣкою, —

Пусть Провидѣнія привѣтная звѣзда

Надъ головой твоей сіяетъ завсегда

И не туманится тоскою

Цѣпь свѣтлая твоихъ безоблачныхъ годовъ!

И какъ пловецъ, среди валовъ

Застигнутый полночной тьмою,

Ввѣряся звѣзды спасительнымъ лучамъ,

Летить ко пристани по блещущимъ волнамъ, —

Такъ нѣкогда пусть избранный тобою,

Полнъ благодарности къ судьбѣ,

Познаетъ къ счастью путь, ввѣряся тебѣ!

СТЕПЬ.

Безконечная Россія
 Словно вѣчность на землѣ!
 Ёдешь, ёдешь, ёдешь, ёдешь,
 Дни и версты ни по чемъ!
 Тонуть время и пространство
 Въ необъятности твоей.

Степь широко на просторѣ
 Поперекъ и вдоль лежитъ,
 Словно огненное море
 Зноеть пышетъ и палитъ.

Цѣплетъ воздухъ сжатый,
 Не пахнетъ на душный день
 Съ неба вѣтерокъ крылатый,
 Ни прохладной тучки тѣнь.

Небеса, какъ куполъ мѣдной,
 Раскалились. Степь гола;
 Кое-гдѣ предъ хатой бѣдной
 Сохнетъ бѣдная ветла.

Съ кровли аистъ долгоногой
 Смотритъ, вѣрный домохозяинъ;
 Добрый другъ семьи убогой,
 Онъ хранитъ ее отъ бѣдъ.

Шагомъ, съ важностью спокойной
 Тащутъ тяжести воды;
 Пыль мететъ метелью знойной,
 Вьюгой огненной золы.

Какъ разбитыя палатки
 На распутии племень,—
 Вотъ курганы, вотъ загадки
 Неразгаданныхъ временъ.

Пусто все, однообразно,
 Словно за́меръ жизни духъ;
 Мысль и чувство дремлять праздно,
 Голодаютъ взоръ и слухъ.

Грустно! Но ты грусти этой
 Не порочь и не злословь:
 Отъ нея въ душѣ согрѣтой
 Свято теплится любовь.

Степи голыя, нѣмая,
 Все же вамъ и пѣснь, и честь!
 Все вы—матушка Россія,
 Какова она ни есть!

СТЕПЬЮ.

Какъ брошенный погостъ, селомъ давно забытый,
 Гдѣ стерлись надписи, гдѣ памятники сбиты,
 Гдѣ время погребло въ молчаньи вѣковомъ
 Былую жизнь, да съ ней и память о быломъ,—
 Такъ грустно смотреть степь кладбищемъ запустѣвшимъ.
 Бесплодно на нее легла столѣтій пыль
 И ни однимъ, до насъ обломкомъ уцѣлѣвшимъ,
 Не скажется на ней вѣковъ минувшихъ быль.

А не всегда же сномъ глубокимъ, безпробуднымъ
 Спалъ заглохшая забвеньемъ сторона;
 По степи нѣкогда, потокомъ многолюднымъ,
 Перебѣгали племена.

Здѣсь удалю, отвагой бойкой
 Кипѣла жизнь въ глуши степной,
 Не разъ кровавою попойкой
 Здѣсь упивался дикій бой.

По степи вздрогнувшей не вьюга
 Въ день зимній съ воемъ поднялась:
 Двѣ рати вышли другъ на друга
 И степь подъ ними затряслась.

Не съ снѣжныхъ тучъ валятся хлопья,
 А градомъ стрѣлъ слѣпить глаза;
 Стучать булаты, гнутся копы
 И все сильнѣй кипитъ гроза.

Ударъ сшибается съ ударомъ,
 Волну живую претъ волна,
 Дымится степь багровымъ паромъ
 И грудой тѣлъ завалена.

Кто побѣдилъ? кто обезсиленъ?
 Кого спросить? не скажетъ степь.
 Полетъ молвы здѣсь обезкрыленъ
 И порвалась преданій цѣпь.

Степей наѣзники и гости
 Съ отцами нашими дрались
 И безымянные ихъ кости,
 Слѣшавшись, молча улеглись.

Средь дикихъ буйствъ кровопролитья—
И честной славы чистый свѣтъ,
Быть можетъ, озаряя событья,
Которымъ отголоска нѣтъ.

Въ прахъ обратились битвъ трофеи;
Блескъ доблестей, погасъ и ты!
Быть можетъ, дикой эпопее
Здѣсь непочатые листы.

Но ни скрижаль, ни пѣснь Баяна
Тѣхъ дней для насъ не сберегла
И безъ вѣсти во мглѣ тумана
Сокрылись лица и дѣла.

Среди глубокаго молчанья,
Помимо тлѣющихъ вѣковъ
Проходить путникъ безъ сознанья
По этой почвѣ безъ слѣдовъ.

ПРОГУЛКА ВЪ СТЕПИ.

(Посвящается Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной.)

A horse! a horse! my kingdom for a horse!
(Shakspeare. King Richard III.)

Мой добрый конь, мой вѣрный конь!
Люблю поздрей твоихъ огонь
И стать твою, и гордый ростъ,
И развѣвающійся хвостъ.

Люблю, красавецъ удалой,
 Когда ты скачешь подо мной
 И мѣрный стукъ твоихъ копытъ
 Одинъ въ глухой степи звучить.

Въ забвеньи бурномъ бытія,—
 Не человѣкъ, не птица я;
 Не на землѣ, не въ облакахъ,—
 Нѣтъ нужды въ крыльяхъ мнѣ, въ ногахъ

Придавъ мой пылъ къ его огню,
 Я прикипѣлъ, приросъ къ коню,
 Въ одно спаялись въ насъ тѣла;
 Кентавра баснь въ насъ ожила.

Безъ напряженья, безъ труда,
 Куда глаза—и я туда,
 И разсѣкаю на лету
 Зыбей воздушныхъ пустоту.

Далекъ иль близокъ небосклонъ,
 Но скоро мнѣ доступенъ онъ
 И что мелькало впереди—
 Давно ужъ тонетъ позади.

Синѣетъ степь надъ головой
 И степь сѣрѣетъ подо мной;
 Гдѣ, кое-гдѣ взовьется пылъ
 Иль заколышется ковыль.

Нѣтъ гдѣ бы взору отдохнуть,
 Гдѣ бъ мысли якорь свой воткнуть
 Въ бездушную безднѣ пустоты
 Теряются глаза, мечты.

Какъ безглаголенъ вѣтра шумъ,
 Таковъ и гулъ невнятныхъ думъ.
 Кто ихъ нагналъ? куда онѣ?
 Имъ нѣтъ слѣда, какъ въ дикомъ снѣ.

Спросить меня,—я не скажу:
 Что на умѣ, на что гляжу.
 Однимъ я чувствомъ полонъ весь:
 Впередъ! впередъ! и тамъ—будь здѣсь!

Но для чего? гдѣ пристань? цѣль?
 Спроси потокъ, спроси метель:
 За чѣмъ кипятъ?—у тучъ: куда
 Бѣгутъ ихъ бурныя стада?

Когда кругомъ вся степь горить,
 Спроси: куда пожаръ валить,
 У лавы быстрого огня;—
 А тамъ допрашивай меня.

Но утомился рѣзвый конь,
 Но простываетъ чувствъ огонь;
 Все тише конь, все тише умъ,
 Стройнѣй, плавнѣй стремленье думъ.

И вотъ свободный шагъ коня
 Качаетъ сладостно меня,
 Какъ легкой качкой челнока,
 Когда чуть зыблется рѣка,

Какъ мать заботливой рукой,
 Чтобы младенцу дать покой,
 Качаетъ люльку, въ коей онъ
 Ей улыбается сквозь сонъ.

Свѣжѣть вечеръ; мгла и тѣнь
 Въ степи смѣняють зной и день;
 Ужъ степь небесъ заселена,
 Возникли звѣзды и луна.

Какъ въ свѣтлый праздникъ до утра,
 Кругомъ ея, какъ вокругъ шатра,
 Горятъ потѣшныя огни;
 Какъ радостны въ степи они!

И у меня на тайномъ днѣ,
 Въ сердечной, свѣтлой глубинѣ
 Зажглись звѣзды чистыхъ думъ
 И прояснился свѣжій умъ.

Взошла поэзіи звѣзда!
 Въ рукѣ ослабли поводъ
 И конь знакомою тропой
 Чутьемъ поворотилъ домой.

ПОЛТАВА.

Вотъ они—поля Полтавы!
 Здѣсь, воспитанный Петромъ,
 Обновилъ орелъ двуглавый
 Сокрушительный свой громъ.

Здѣсь былъ смѣлый жребій кинуть,
Здѣсь рѣшенъ вѣковъ вопросъ
И въ составъ Европы вдвинуть
Новый Сѣверный колоссъ.

Здѣсь разсадникъ Русской славы;
Степь одѣлась въ вертоградъ—
И, добравшись до Полтавы,
Утомленный путникъ радъ.

Былью славной для народа
Городъ, Русскимъ всею родной!
И преданья, и природа
Облекли его красой.

Опоясанный садами,
Какъ онъ свѣжъ и моложавъ!
Какъ увѣнчанъ онъ цвѣтами
И вѣнкомъ пахучихъ травъ!

Воздухъ сладостно-струистой
Благовоньемъ напоентъ;
Здѣсь съ акаціей душистой
Стройный тополь, темный клень

Разрослись красою чудной—
И блестятъ изъ за садовъ,
Какъ изъ рамы изумрудной,
Стѣны бѣлыя домовъ.

Бросивъ посохъ свой дорожной,
Хорошо бы здѣсь въ тѣни
Утишить, тоской тревожной
Волновавшіеся дни;

Отдохнуть хоть на закатъ
 Отъ житейскихъ непогодъ
 И развестъ при скромной хатѣ
 Темный садъ и огородъ.

Но и радость смотреть горемъ:
 И въ Аркадіи моей
 Городъ смотреть грязнымъ моремъ,
 Какъ придетъ пора дождей.

Здѣсь стоитъ по цѣлымъ суткамъ
 И по мѣсяцамъ вода
 И по улицамъ лишь уткамъ
 Безпрепятственна ѣзда.

Такъ! Но трудъ переупрямить
 Это зло. Колдунъ и вождь.
 Онъ и топь омакадамитъ
 И проучить наглый дождь.

Русской удали дорогу
 Петръ очистилъ здѣсь штыкомъ
 И съ тѣхъ поръ мы, слава Богу,
 Кое-какъ себѣ идемъ.

Между тѣмъ, какъ будто Шведы,
 Чтобъ воздать Полтавѣ зломъ, —
 Мы ее, ковчегъ побѣды,
 Потопленью предаемъ.

Братья! не грѣшно ли вчужѣ
 Видѣть, Господи спаси!
 Какъ барахтается въ лужѣ
 Городъ, славный на Руси?

Поспѣшимъ же безъ оглядки!
 Ради ближнихъ и добра,
 Отъ Тавриды до Камчатки,
 Отъ Онеги до Днѣстра,

Отовсюду, гдѣ богато
 Слово Русское гремитъ,
 Гдѣ о горѣ братьевъ свято
 Сердце Русское болить, —

Всѣ и каждый, общей силой,
 На поминки о Петрѣ,
 Всѣ поможемъ нашей милой
 Утопающей сестрѣ.

Что же? нѣтъ бѣды въ попыткѣ!
 Стихъ мой брошу на авось :
 Съ міра просимъ—не по ниткѣ,
 А по камешку намъ брось!

Пусть откроется подписка—
 И Полтава спасена;
 Ей не нужноobeliska,
 Мостовая ей нужна!

ТРОЙКА.

Тройка мчится, тройка скачетъ,
 Вьется пыль изъ подъ копытъ;
 Колокольчикъ звонко плачетъ
 И хохочетъ, и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздается яркій звонъ;
То вдали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянулъ мѣсяцъ изъ за тучи,
Обогнулъ свое кольцо
И посыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лицо.

Кто сей путникъ и отколѣ?
И далекъ ли путь ему?
По неволѣ, иль по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

На веселье, иль кручину,
Къ ближнимъ ли подѣ кровь родной,
Или въ грустную чужбину
Онъ спѣшитъ, голубчикъ мой?

Сердце въ немъ ретиво рвется
Въ путь обратный, или въ даль?
Встрѣчи ль ждетъ онъ—не дожидется,
Иль покинутого жаль?

Ждетъ ли перстень обручальный,
 Ждутъ ли путника пиры,
 Или факель погребальный,
 Надъ могилою сестры?

Какъ узнать? ужъ онъ далеко!
 Мѣсяцъ въ облако нырнулъ
 И въ пустой дали глубоко
 Колокольчикъ ужъ заснулъ.

—

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Колокольчикъ, замотайся,
 Зазвени-ка, загуди!
 Пыль волнуйся, подымайся!
 Что-то будетъ впереди?

Не сидится мнѣ на мѣстѣ,
 Спертый воздухъ давить грудь;
 Какъ женихъ спѣшить къ невѣстѣ,
 Я спѣшу—куда нибудь!

Даль—невѣста подъ фатою!
 Даль, таинственная даль!
 Сочетаешься съ тобою—
 И въ женѣ невѣсту жаль.

—

ЕЩЕ ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Колокольчикъ однозвучный,
 Крикъ протяжный ямщика,
 Зимней степи сумракъ скучный!
 Саванъ неба,—облака!
 И простертый саванъ снѣжный
 На холодный трупъ земли!
 Вы въ какой то миръ безбрежный
 Умъ и сердце занесли.

И въ безчувственности праздной,
 Между бдѣнія и сна.
 Въ глубь тоски однообразной
 Мысль моя погружена.
 Мнѣ не скучно, мнѣ не грустно;
 Будто роздыхъ бытія!
 Но не выразить изустно,
 Чѣмъ такъ смутно полонъ я.

ЕЩЕ ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Опять я на большой дорогѣ,
 Стихи вольной гражданинъ;
 Опять въ кочующей берлогѣ
 Я думу думаю одинъ.

Мнѣ нужны это развлеченье,
 Усталость тѣла и тоска,
 И неподвижное движеніе.
 Которымъ зыблюсь я слегка.

Въ нихъ возбудительная сила,
 Въ нихъ магнетическій приливъ,
 И жизни потаенной жила
 Забилась вдругъ на ихъ призывъ.

Міръ внѣшній, міръ разнообразный
 Не существуетъ для меня:
 Его явленій зритель праздный,
 Не различаю тьмы отъ дня.

Мнѣ все одно: улыбкой счастья
 День обогрѣтъ-ли поля.
 Иль мрачной ризою ненастья
 Одѣлись небо и земля.

Смѣняясь панорамой чудной,
 Лѣса-ли, горы-ль въ сторонѣ,
 Или степью хладной, безпробудной
 Лежитъ окрестность въ мертвомъ снѣ;

Встаютъ ли села предо мною,
 Святѣи скорби и труда,
 Или съ роскошной ницетою
 Въ глазахъ пестрѣютъ города.

Мнѣ все одно: обратнымъ окомъ
 Въ себя я тайно погружень
 И въ этомъ мірѣ одинокомъ
 Я заперся со всѣхъ сторонъ.

Мнѣ любо это заточенье,
 Я жизнью странной въ немъ живу:
 Дѣйствительность въ немъ—сновидѣнье,
 А сны—я вижу на яву!

ПАМЯТИ ЖИВОПИСЦА ОРЛОВСКАГО.

Грустно видѣть, Русь святая,
 Какъ въ степенные года
 Нашихъ предковъ удалая
 Изнѣмечилась тѣда.

То ли дѣло въ-старь: телега,
 Тройка, ухорскій ямщикъ;
 Ночью—дуешь безъ ночлега,
 Днемъ же,—высунувъ языкъ.

Но за то какъ все кипѣло
 Беззаботнымъ удальствомъ!
 Жизнь—копѣйка! бей же смѣло;
 Да и ту поставь ребромъ!

По какъ весело, бывало,
 Раздавался подъ дугой
 Голосистый запѣвало,
 Колокольчикъ разсыпной.

А когда на водку гривны
 Ямщику не пожалѣть,
 То-то пѣсни заунывны
 Онъ начнетъ, сердечный, пѣть!

Сѣверъ блѣдный, Сѣверъ плоскій,
 Степь, родныя облака—
 Все сливалось въ отголоски,
 Гдѣ слышна была тоска;

Но тоска—струя живая
 Изъ роднаго тайника,
 Полюбовная, святая,
 Молодецкая тоска.

Сердце сердцу вѣсть давало
 И изъ тайной глубины
 Все бывшее выкликало
 И всѣ слезы старины.

Не увидишь, какъ проскачешь
 И не чувствуешь скачковъ,
 Ни какъ сердцемъ сладко плачешь,
 Ни какъ горько для боковъ.

А проѣхать ли случится
 По селенью въ красный день?
 Нашъ ямщикъ приободрится,
 Шляпу вздернетъ на бекрень.

Какъ онъ гаркнетъ, какъ присвиснетъ
 Горячо по вѣмъ по тремъ,—
 Воронихъ онъ словно вспырываетъ
 Вдохновительнымъ кнутомъ.

Тутъ знакомая свѣтлица
 Съ росписнымъ своимъ окномъ:
 Тутъ его душа дѣвица
 Съ подареннымъ перстенькомъ.

Поравнявшись, онъ немножко
 Возжи въ руки приберетъ,
 И растворится окошко.—
 Словно солнышко взойдетъ.

И покажется касатка,
 Бѣлоликая краса;
 Что за очи! за повадка!
 Что за русая коса!

И поклонами учтиво
 Размѣнялися они,
 И сердца въ нихъ молчаливо
 Отозвалися сродни.

А теперь—гдѣ эти тройки?
 Гдѣ ихъ ухорскій побѣгъ?
 Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
 Ты, поэзія телегъ?

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
 Вставшій съ темнаго утра,
 И загнать готовый тройку
 Изъ полтины серебра?

Русскій ямъ молчить и чахнетъ,
 Отъ былова онъ отвыкъ:
 Русскимъ духомъ ужъ не пахнетъ
 И ямщикъ—ужъ не ямщикъ.

Духъ заморскій и въ деревнѣ!
 И ямщикъ, забывъ кабакъ,
 Роспиваетъ чай въ харчевнѣ
 Или курить въ ней табакъ.

Пѣсню спѣть онъ не сѣмѣетъ,
Нѣтъ зазнобы ретивой
И на шляпѣ не алѣетъ
Лента дѣвицы милѣй.

По дорогѣ, въ чистомъ полѣ
Колокольчикъ нашъ заглохъ
И невиданный дотолѣ,
Молча, тащится, трѣхъ-трѣхъ,

Словно чопорный Германецъ
При ботфортахъ и косъ,
Неуклюжій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Грустно видѣть, воля ваша,
Какъ, у прозы подъ замкомъ,
Поэтическая чаша
Высыхаетъ съ каждымъ днемъ!

Какъ все то, что веселило
Иль ласкало нашу грусть,
Что издѣтства затвердило
Наше сердце наизусть.

Всѣ повѣрья, все раздолье
Молодецкой старины,—
Подъѣдаетъ своеволие
Душегубки-новизны.

Нарядились мы въ личины,
Сглазиль насъ недобрый глазъ.....
И Орловскаго картины—
Буква мертвая для насъ.

Но спасибо, нашъ чудесникъ,
Живописецъ и поэтъ,
Малодушнымъ внукамъ вѣстникъ,
Богатырекихъ оныхъ лѣтъ!

Русь былую, удалую
Ты потомству передашь:
Ты схватилъ ее живую
Подъ народный карандашъ.

Захлебнувшись прозой прѣсной,
Охмѣлѣть ли захочу
И съ мечтой изъ давки тѣсной
На просторъ ли полечу,—

Я вопьюсь въ твои картинки
Жаждой чувствъ и жаждой глазъ
И творю въ душѣ поминки
По тебѣ, да и по насъ!

ОТДѢЛЪ II.

ВОСТОКЪ.

НОЧЬ НА БОСФОРЪ.

На луну не разъ любовался я,
На жемчужный дождь свѣтлыхъ струй ея,
Но другой луны, но другихъ небесъ
Чудный блескъ раскрылъ—новый міръ чудесъ;
Не луну я зналъ—развѣ тѣнь луны,
Красотамъ ночей я не зналъ цѣны.

Я ихъ здѣсь узналъ; здѣсь сказалося мнѣ
Все, что снится намъ въ баснословномъ снѣ;
Смотришь—ночь не ночь, смотришь—день не день;
Голубой зарей блещетъ ночи тѣнь.
Разглядѣть нельзя въ голубой дали:
Гдѣ конецъ небесъ, гдѣ рубежъ земли?

Вспыхнулъ сводъ небесъ подъ огнемъ лампадъ;
Всѣхъ красавицъ звѣздъ не обхватить взглядъ
И одна другой веселѣй горить,
И на насъ милѣй и нѣжнѣй глядитъ.
Вотъ одна звѣзда изъ среды подругъ
Покатилась къ намъ и погасла вдругъ.

Чешуей огня засверкалъ Босфоръ,
 Пробѣжалъ по немъ золотой узоръ.
 Средь блестящихъ скалъ великанъ утесъ
 Выше всѣхъ чело и свѣтлѣй вознесъ;
 Кипарисъ въ тѣни серебромъ расцвѣлъ
 И блестять верхи минаретныхъ стрѣлъ.

Скорлупой рѣзной чуть струю задѣвъ,
 Промелькнулъ какъ. Перлъ восточныхъ дѣвъ
 Невидимкой въ немъ по волнамъ скользить;
 Съ головы до ногъ тканью станъ обвить;
 И дремотой чувствъ улаждая лѣнь,
 Пронеслась она, какъ нѣмая тѣнь.

Золотые сны, голубые сны
 Сходятъ къ намъ съ небесъ на лучахъ луны.
 Нѣгой дышетъ ночь! что за роскошь въ ней!
 Нѣтъ, нигдѣ такихъ не видать ночей!
 И молчитъ она, и поетъ она,
 И душѣ одной ночи пѣснь слышна.

ОЧАРОВАНИЕ.

Тамъ, предъ Эюбомъ живописнымъ,
 Вѣнчааясь лѣсомъ кипариснымъ,
 Картина чудной красоты
 Свои раскинула узоры:
 Тамъ въ нѣгѣ утопаютъ взоры
 И сходятъ на душу мечты.
 Тамъ, какъ ваянья гробовыя,

Одѣвшись въ бѣлый свой покровъ,
 И неподвижно, и безъ словъ
 Сидятъ Турчанки молодыя
 На камняхъ имъ родныхъ гробовъ.
 Волшебный край! Шехеразады
 Живая сказочная ночь!
 Души дремоты и улады
 Тамъ умъ не въ силахъ превозмочь;
 Тамъ вѣчно свѣжи сновидѣнья;
 Живешь безъ цѣли, наобумъ
 И засыпаютъ сномъ забвенья
 Дней прежнихъ суетность и шумъ.

17 СЕНТЯБРЯ 1849.

(Княгиня Вера Аркадьевна Голицыной.)

Да здравствуетъ Княгиня Вѣра!
 Будь жизнь ей—свѣтлая струя!
 Стамбуль, Буюкдерѣ и Пера
 У ногъ ея.

Босфоръ плѣнилъ ее красою
 Своихъ картинъ, своихъ зыбей;
 Нева съ завистливой тоскою
 Груститъ по ней.

Все прелесть въ ней! даровъ природныхъ
 Не заглушилъ лукавый свѣтъ
 И не завялъ въ ней чувствъ свободныхъ
 Душистый цвѣтъ.

Въ ней дѣтскихъ лѣтъ простосердечность
 И не по лѣтамъ зрѣлый умъ;
 Суетъ ей чужды — скоротечность
 И блескъ, и шумъ.

Но что красой она владѣть,
 Но что мила, но что умна,
 О томъ понятъ не имѣть —
 Она одна.

ВЪ ПОХОДЪ!

(Ея же.)

Побѣдоносная Княгиня!
 Стамбула, Перы — мало вамъ;
 Вамъ нужны горы и пустыня,
 Вамъ нужно все прибрать къ рукамъ.

Опасность, даль, труды, преграды
 Воспламеняютъ вашу страсть
 И неприступныхъ скалъ громады
 Должны, какъ мы, предъ вами пасть.

Къ Балканамъ гордымъ васъ унесетъ
 Нетерпѣливая мечта,
 А лозунгъ вашъ, — когда кто спроситъ:
 «Святая Русь и красота!»

Вамъ только показаться стоить
 И врагъ не побѣжить назадъ;
 Нѣтъ, Турковъ всѣхъ себѣ присвоить
 Одинъ вашъ огнестрѣльный взглядъ.

Вы амазонкою Славянской
Садитесь храбро на коня
И васъ *Княгиней Забалканской*
Провозглашаетъ пѣнь моя

МОЛИТВА.

(Ея же.)

И каждый день, и каждый часъ,
За вами слѣдуя душою,
Молю съ надеждой и тоскою,
Чтобъ вашъ Хранитель-ангелъ спасъ
Васъ отъ болѣзни и отъ скуки—
Сидѣть и ждѣть, поджавши руки.
Сегодня, такъ же какъ вчера:
Когда помочь докторъ?
Молюсь, чтобъ съ свѣтлою весною
Опять Босфорской красотою
Къ здоровью, къ радостямъ земли
Вы благодатно расцвѣли.
Молюсь, чтобъ къ *Золотому рогу*
Вамъ Промыслъ вновь открылъ дорогу,
Чтобъ любоваться вы могли
Небесъ прозрачныхъ яркимъ блескомъ
И улыбающимся днемъ,
Тамъ, гдѣ въ сіяньи голубомъ
Нестрѣютъ чуднымъ арабескомъ
Горъ разноцвѣтныхъ чалмы,
Султановъ пышныхъ жилища,
Сады, кіоски и кладбища
И все—чѣмъ любовались мы.

17 СЕНТЯБРЯ 1850.

(Ей же.)

«Да здравствуетъ Княгиня Вѣра!»
 Какъ грустно вспомнить сей припѣвъ
 Стамбуль, Буюкдерѣ и Пера,
 Осиротѣвъ.

Припѣвъ родной, единовѣрный,
 Веселый окликъ прежнихъ дней!
 Въ немъ слышенъ былъ нелицемѣрный
 Привѣтъ друзей.

Не разъ средь дружескихъ пирушекъ
 Имъ оглашаемъ былъ Босфоръ,
 Съ горъ Европейскихъ до верхушекъ
 Азійскихъ горъ.

При немъ и Скутари, и Пера,
 И поэтическій Стамбуль
 Вамъ дѣлали, Княгиня Вѣра,
 На карауль.

Теперь своей молодой царицей
 Ужъ не любятъся они;
 Теперь она въ другой столицѣ
 Проводить дни.

Молчить Буюкдерѣ въ печали
 И отцвѣла долина розъ,
 И въ память вамъ ей имя дали:
 Долина слезъ.

И мнѣ до пѣсни ли веселой?
 Разрознена семья друзей
 И каждый врозь пошелъ съ тяжелой
 Тоской своей.

При васъ поется,—такъ въ дни Мая
 Легко поется соловью;
 Душа поетъ при васъ, встрѣчая
 Весну свою.

Но если намъ въ тоскѣ разлуки
 Веселость не пойдетъ на умъ
 И чужды: громкихъ пѣсней звуки
 И пиршествъ шумъ,—

Могу, забывъ про гуль потѣшной,
 Вашъ оглашавшій каждый шагъ,
 Молить за васъ молитвой грѣшной
 Творца всѣхъ благъ:

Да отвратить болѣзнь и горе
 Отъ вашей милой головы,
 Чтобъ бѣдъ и бурь въ житейскомъ морѣ
 Не знали вы;

Да жизнь безоблачностью ясной
 Цвѣтеть всегда на радость вамъ,
 Какъ вы душой своей прекрасной—
 На радость намъ!

БОСФОРЪ.

У меня подъ окномъ, темной ночью и днемъ,
 Вѣчно возишься ты, беспокойное море;
 Не уляжешься ты и съ собою въ борьбѣ,
 Словно тѣсно тебѣ на свободномъ просторѣ.

О, шуми и бушуй, пой и плачь, и тоскуй,
 Своенравный сосѣдъ, безумолчное море!
 Наглядѣться мнѣ дай, мнѣ послушаться дай,
 Какъ играешь волной, какъ ты мыкаешь горе.

Все въ тебѣ я люблю. Жаднымъ слухомъ ловлю
 Твой протяжный распѣвъ, волнъ дробящихся грохотъ
 И подводный твой гулъ, и твой плескъ, и твой ревъ,
 И твой жалобный стонъ, и твой бѣшенный хохотъ.

Глазъ съ тебя не свожу, за волнами слѣжу;
 Тишь лежитъ ли на нихъ, нѣжно вѣетъ ли съ юга,—
 Всѣ слились въ бирюзу; но, почуя грозу,
 Что съ полночи летить,—почернѣютъ съ испуга.

Все сильнѣй ихъ испугъ и запрыгають вдругъ,
 Какъ стада дикихъ козъ по горамъ и стремнинамъ;
 Вѣтеръ роетъ волну, вѣтеръ мечетъ волну
 И бѣснуется онъ по кипящимъ пучинамъ.

Но вотъ буйный уснулъ; волнъ смирился разгулъ,
 Только шаткая зыбь все еще бродить, бродить;
 Море вздрогнетъ порой—какъ усталый больной,
 Облегчившись отъ мукъ, духъ съ трудомъ переводить.

Каждый день, каждый часъ новымъ зрѣлищемъ насъ
 Манитъ въ чудную даль голубая равнина:
 Тамъ, въ пространствѣ пустомъ, въ углубленн морскомъ,
 Все—приманка глазамъ, каждый образъ—картина.

Паруса распустивъ, какъ легокъ и красивъ,
 Двухъ стихій властелинъ, величавый и гибкой,
 Бригъ несется—орломъ средь воздушныхъ равнинъ,
 Змѣй морской—онъ скользитъ по поверхности зыбкой.

Закоптивъ неба сводъ, вотъ валитъ пароходъ;
 По покорнымъ волнамъ онъ стучитъ и колотитъ;
 Огнедышущій китъ, море онъ кипятитъ,
 Бой огромныхъ колесъ волны въ брызги молотитъ.

Не подъ тѣнью густой,—надъ прозрачной волной
 Собирается птицъ сереброперая стая;
 Всѣ кружать на лету; то вырнуть въ высоту,
 То, спустившись, нырнуть, грустный крикъ испуская.

Отъ прилива судовъ со всемірныхъ концовъ,
 Площадь моря кипитъ многолюднымъ базаромъ;
 Здѣсь и сѣверъ, и югъ, западъ здѣсь и востокъ—
 Всѣ приносятъ оброкъ разнообразнымъ товаромъ.

Вотъ снуютъ здѣсь и тамъ—противъ волнъ, по волнамъ,
 Челноки, какіи вереницей проворной;
 Лицъ, одеждъ пестрота; всѣхъ отродій цвѣта,
 Кожи людскихъ образцы: бѣлой, смуглой и черной.

Но на лоно земли сонъ и мракъ ужъ сошли;
 Только море не спитъ и рыбакъ съ нимъ не праздной:
 Тамъ на лодкахъ въ тѣни, загорѣлись огни;
 Опоясалась ночь словно нитью алмазной.

Нѣтъ прѣстранству границъ! Мыслью падаешь ницъ—
И мила эта даль и страшна безконечность!
И въ единый символъ, и въ единый глаголь
Совмѣщаются намъ—скоротечность и вѣчность.

Море, съ перваго дня ты плѣнило меня!
Какъ полюбишь тебя—разлюбить нѣтъ ужъ силы;
Опостылить земля—и лѣса, и поля,
Прежде милыя намъ, послѣ намъ ужъ не милы;

Нужны намъ: звучный плескъ, разноцвѣтный твой блескъ,
Твой прибой и отбой, твой просторъ и свобода;
Ты природы душа! Какъ ни будь хороша,—
Гдѣ нѣтъ жизни твоей—тамъ бездушна природа!

15 ІЮЛЯ 1849.

(Владиміру Павловичу Титову.)

Предъ минаретами пророка,
Здѣсь, гдѣ объятый цѣпью горъ,
Подъ небомъ голубымъ востока
Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ,—
Мы, дѣти Руси православной,
Единодушною семьей
Тебѣ поемъ припѣвъ заздравной,
Нашъ именинникъ дорогой.

Въ дому твоёмъ для насъ Россія.
Здѣсь все, чѣмъ намъ она мила:
Креста преданія святыя
И слава Русскаго орла,
И языка роднаго звуки,
Чтобъ сердцу сердца вѣсть подать,
И Русскія сердца и руки,
Чтобъ брата съ нѣжностью обнять.

15 ЮЛЯ 1850.

(Ему же)

Мы годомъ старше! съ быстротою
 Промчались суетные дни;
 Ихъ не воротишь—и съ собою
 Какъ много унесли они!
 Но въ чувствахъ и любви сердечной
 Отъ времени убытка нѣтъ
 И Промыслъ благодати вѣчной
 Не истощается отъ лѣтъ.

Въ него мы вѣримъ, уповаемъ!
 И не старѣющей душой
 Мы снова праздникъ твой встрѣчаемъ
 Благодареньемъ и мольбой.
 Все такъ же радостны и пышны
 Картины творческихъ чудесъ
 И такъ же всюду сердцу слышны—
 И пѣснь земли, и пѣснь небесъ.

Все такъ же прежней красотою
 Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ,
 Лобзая ласковой волною
 Подошву разноцвѣтныхъ горъ.
 Все такъ же сборъ родной дружины,
 Обычай старины любя,
 Радужно на берегу чужбины
 По Русски празднуетъ тебя.

ПАЛЕСТИНА.

Сводъ безоблачно-синій
 Иудейскихъ небесъ,
 Безпредѣльность пустыни,
 Одинокихъ древесъ
 Пальмы, маслины скудной
 Безпріютная тѣнь,
 Позолотою чудной
 Ярко блестящій день.

По степи—рѣчки ясной
 Не бѣжитъ полоса,
 По дорогѣ безгласной
 Не слышать колеса;
 Только съ ношей своею,
 (Что ему зной и трудъ?)
 Длинно вытянувъ шею,
 Выступаетъ верблюды.

Ладія и телега
 Безпромышленныхъ странъ,
 Онъ идетъ до ночлега;
 Вслѣдъ за нимъ караванъ,
 Иль, бурнусомъ обвитый,
 На верблюды верхомъ,
 Бедуинъ сановитый,
 Знойно-смуглый лицомъ.

Словно зыбью качаясь,
 Онъ торчитъ и плыветъ,
 На ходу подаваясь
 То назадъ, то впередъ.
 Иль промчить кобылица
 Шейха съ длиннымъ ружьемъ,
 Иль кружится, какъ птица,
 Подъ лихимъ сѣдокомъ

Помянувъ Магомета,
 Всадникъ, встрѣтись съ тобой,
 Къ сердцу знакомъ привѣта
 Прикоснется рукой.
 Полдень жаркій пылаетъ,
 Воздухъ—словно огонь;
 Путникъ жаждой сгараетъ
 И томящійся конь.

У гробницы съ чадмою
 Кто-то вырылъ родникъ;
 Путникъ жадной душою
 Къ холодной влагѣ приникъ.
 Благодѣтель смиренный!
 Онъ тебя отъ души
 Помянулъ, освѣженный
 Въ опаленной глуши.

Вотъ подъ сѣнью палатокъ
 Быть пустынныхъ племень:
 Женскій складъ—отпечатокъ
 Первобытныхъ временъ.
 Вотъ библейскаго вѣка
 Вѣрный сколокъ: точь въ точь
 Молодая Ревекка,
 Вауилова дочь.

Голубой пеленою
 Станъ красивый сокрытъ;
 Взоръ восточной звѣздою
 Подъ рѣсницей блестить.
 Величаво-спокойно
 Дѣва сходить къ ключу,
 Водоносъ держать стройно,
 Прижимая къ плечу.

Въ полѣ кактусъ иглистый
 Распускаетъ свой цвѣтъ.
 Въ дальней тѣмѣ—каменистый
 Аравійскій хребетъ.
 На вершинахъ суровыхъ
 Гаснетъ день средь зыбей
 То золотыхъ, то лиловыхъ,
 То зеленыхъ огней.

Чудно блещутъ картины
 Яркихъ красокъ игрой.
 Свѣтлый край Палестины!
 Упоенный тобой,
 Предъ разсвѣтомъ, пустыней
 Я несусь на конѣ
 Богомольцемъ къ святынѣ,
 Съ дѣтства родственной мнѣ.

Шейхъ съ летучимъ отрядомъ—
 Мой дозоръ боевой:
 Впереди, сзади, рядомъ
 Вьется пестрый ихъ рой.
 Недовѣрчиво взгляды
 Озираютъ вокругъ:
 Хищный врагъ изъ засады
 Не нагрянетъ ли вдругъ?

На пути, чуть пробитомъ
 Средь разорванныхъ скалъ,
 Конь мой чуткимъ копытомъ
 По обломкамъ ступаль.
 Сонъ—подъ звѣзднымъ наметомъ;
 Запылали костры;
 Сонъ тревожитъ налетомъ
 Вой шакаловъ съ горы.

Эпопеи священной
 Древнѣй міръ здѣсь разверзтъ:
 Свитокъ сей неизмѣнной
 Начерталь Божій перстъ.
 На Израиль съ завѣтомъ
 Здѣсь сошла Божья сѣнь:
 Возсіялъ здѣсь разсвѣтомъ
 Человѣчества день.

Край святой Палестины,
 Край чудесъ искони!
 Горы, дебри, равнины,
 Дни и ночи твои,
 Внѣшнѣй міръ, міръ подспудной,
 Все, что было, что есть,—
 Все поэзіи чудной
 Благодатная вѣсть!

И въ отвѣтъ на призванье,
 Жизнь, горѣ возлетѣвъ,
 Жизнь—одно созерцанье
 И молитвы напѣвъ.
 Отблескъ свѣтлыхъ видѣній
 На душѣ не угасъ:
 Дни святыхъ впечатлѣній
 Позабуду ли васъ?

ОДНО СОКРОВИЩЕ.

Одно сокровище, одну святыню
 Съ благоговѣніемъ я берегу;
 За этимъ кладомъ я ходилъ въ пустыню
 И кочевалъ на дальнемъ берегу.

Весь этотъ кладъ—одно воспоминанье;
 Но жизнь мою, жизнь мелочныхъ заботъ,
 Оно искупить, дастъ ей смыслъ, благоуханье
 Которое меня переживетъ.

Я помню край, опустошенья полный,
 Минувшаго величья прахъ и тлѣнь;
 Пожаромъ тамъ прошли столѣтій волны
 И выжгли почву, жизнь и слѣдъ племень.

Природа смотреть дико и несчастно;
 Тамъ на землѣ какъ будто казнь лежитъ
 И только небо, скорбямъ непричастно,
 Лазурью чудной радостно горитъ.

Тамъ дерево томится тѣнью скудной,
 Потокъ безъ волнъ тамъ замеръ и заглохъ
 И, словно, слышенъ въ тишинѣ безлюдной
 Великой скорби безконечный вздохъ.

Но этотъ край—святая Іудея,
 Но лѣтопись опальной сей земли—
 Евангеліе: свято, не старѣя,
 Сіи мѣста преданья сберегли.

Передаютъ днямъ бѣглымъ камней груды—
 Глаголы вѣчности и Божій судъ;
 Живые тамъ—порожніе сосуды,
 Но мертвецы хранятъ живой сосудъ.

Текущій день мрачнѣ мертвой ночи,
 Но жизнью дышетъ вѣчное вчера:
 Здѣсь предъ тобой слѣпцу отверзты очи,
 Здѣсь недвижимый возстаетъ съ одра.

Изъ каменнаго гроба Иисусомъ
 Здѣсь вызванъ Лазарь; страшный, грозный видъ!
 Его лицо обвязано убрусомъ,
 Отъ плечъ до ногъ онъ пеленой обвить.

Но онъ возсталъ, мертвецъ четверодневный;
 Забилось сердце, жизнью вспыхнулъ взоръ:
 Услышаны молитва, плачь душевный
 О миломъ братѣ плачущихъ сестеръ!

Священныхъ книгъ и лица, и событія
 Живой картиной радуютъ глаза
 И на душѣ, подъ таинствомъ наитія,—
 Любовь и страхъ, улыбка и слеза.

И нѣтъ страны на всей землѣ обширной,
 Гдѣ бы душа такъ дома зажила,
 Гдѣ бъ жизнь текла такой струею мирной,
 Гдѣ бъ смерть сама желаніе была.

И помню я, паломникъ недостойный,
 Святыхъ чудесъ заветныя мѣста:
 Тотъ сводъ небесъ, безоблачный и знойный,
 Тотъ вѣчный градъ безсмертнаго креста.